

ВѢЧНОЕ

VII-VIII

1949

MENSUEL

L' E T E R N E L

№ 19-20.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Иеросхим. Амвросій Оптинскій. О томъ, сколько мы заботимся о тѣлѣ, и сколько о душѣ.
2. Прот. С. Четвериковъ. Внутренній укладъ жизни Оптиной Пустыни.
3. Иеросхимонахъ Макарій, Старець Оптиной Пустыни. Изъ книги Е. Поселянина.
4. Объ иноческихъ обѣтахъ. Изъ писемъ А. Н. Муравьева.
5. Повѣсти изъ жизни Старцевъ. Изъ Отечника.
6. Святоотеческое толкованіе на Евангеліе отъ Матфея. Гл. 8, 14-34.

Стоимость настоящаго двойного VII-VIII номера — 70 фр.

В Ъ Ч Н О Е

Юль-августъ 1949 г.

L'ETERNEL

№ 7-8 (19-20).

Иеросхимонахъ Амвросій Оптинскій († 1891 г.).

О ТОМЪ, СКОЛЬКО МЫ ЗАБОТИМСЯ О ТѢЛѢ, И СКОЛЬКО О ДУШѢ.

Въ Евангеліи сказано: «Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ» (Мк. 8, 36). Вотъ какъ драгоценна душа человѣческая. Она дороже всего міра, со всѣми его сокровищами и благами. Но страшно подумать, какъ мало понимаемъ мы достоинство безсмертной души своей. На тѣло, этотъ повапленный гробъ, это жилище червей, обращаются всѣ наши мысли отъ утра до вечера, а на безсмертную душу, на драгоценнѣйшее и любимѣйшее твореніе Божіе, на образъ Его славы и величія едва обращается одна мысль во всю недѣлю. Служенію тѣлу посвящаются самые цвѣтушіе годы нашей жизни, а вѣчному спасенію души только послѣднія минуты дряхлой старости. Тѣло ежедневно упивается, какъ на пиру богача, полными чашами и роскошными блюдами, а душа едва собираетъ крохи Божественнаго слова на прагъ дома Божія. Ничтожное тѣло обмываютъ, чистятъ, одѣваютъ, украшаютъ всѣми сокровищами природы и искусства; а дорогая душа, невѣста Иисуса Христа, наслѣдница Неба, бродитъ шагомъ изнуреннымъ, облеченная въ одежду убогаго странника, не имѣя милостыни.

Тѣло не терпитъ ни одного пятна на лицѣ, никакой нечистоты на рукахъ, никакой заплаты на одеждѣ; а душа отъ главы до ногъ покрыта сквернами, только и дѣла, что переходить изъ одной грѣховной тины въ другую, и своею ежегодною, но часто и лицемѣрною исповѣдью, только умножаетъ заплаты на одеждѣ своей, а не обновляетъ ее.

Для благосостоянія тѣла требуются разнаго рода заботы и удовольствія: оно истощаетъ нерѣдко цѣлыя семейства, для него люди потовы иногда на труды всякаго рода; а бѣдная душа едва имѣетъ одинъ часъ въ воскресные дни для слушанія Божественной Литургіи, едва нѣсколько минутъ для вечерней и утренней молитвы, насилу собираетъ одну горсть мѣдныхъ монетъ для подаенія милостыни, и довольна бываетъ, когда выразить холоднымъ вздохомъ памятованіе о смерти.

Для здравія и сохраненія тѣла перемѣняютъ воздухъ и жилище, призываютъ искуснѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ врачей, воздерживаются отъ пищи и питія, принимаютъ самыя горькія лѣкарства, позволяютъ себя жечь и рѣзать: а для здравія души, для избѣжанія соблазновъ, для удаленія отъ грѣховной заразы не дѣлаютъ ни одного шага, но остаются въ томъ же самомъ воздухѣ, въ томъ же самсмъ недобромъ обществѣ, въ томъ же самомъ порочномъ домѣ, и не ищутъ никакого врача душъ, или избираютъ врача незнакомаго и неопытнаго, и скрываютъ передъ нимъ то, что уже извѣстно и Небу и аду, и чѣмъ они сами хвастаютъ въ обществахъ.

Когда умираетъ тѣло, тогда слышится скорбь и отчаяніе, а когда умираетъ душа отъ смертнаго грѣха, тогда часто и не думаютъ объ этомъ.

Такъ мы не знаемъ достоинства души своей, и подобно Адаму и Евѣ, отдаемъ свою душу за красивый по виду плодъ. Почему же мы, по крайней мѣрѣ, не плачемъ подобно Адаму и Евѣ? Плачь, потерявшихъ душу, долженъ быть горестнѣе плача Іереміи, который, оплакивая бѣдствія отечества, взывалъ: «О, кто дастъ головѣ моей воду и глазамъ моимъ — источникъ слезъ!» (Іер. 9, 1).

У насъ же большею частью забота только о стяжаніи благъ, только, къ сожалѣнію, часто земныхъ и временныхъ, а не небесныхъ.

Забываемъ мы, что земныя блага скоропреходящи и неустойчивы, тогда какъ небесныя блага вѣчны, безконечны и неотъемлемы. Всеблагій Господи! Помоги намъ презирать

все скоропреходящее, и пешися о единомъ на потребу спасенія душъ нашихъ.

ВНУТРЕННИЙ УКЛАДЪ ЖИЗНИ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

Въ Оптиной Пустыни передъ революціей было около грехсотъ монаховъ. Монастырь строго сохранялъ общежительные завѣты Старца Паисія Величковскаго. Братія дѣлились, какъ обычно и полагается, на послушниковъ, рясофорныхъ и манатейныхъ. Были и схимники. Въ Оптиной Пустыни существовалъ обычай даже и молодыхъ манатейныхъ монаховъ, въ случаѣ опасной болѣзни, постригать въ великій ангельскій образъ, въ схиму.

Никто изъ монаховъ, не исключая и настоятеля не имѣлъ своей собственности. Все, необходимое для него, оптинецъ, получалъ отъ монастыря: пищу въ трапезной, чай и сахаръ отъ настоятеля, одѣяніе и обувь — отъ «рухольнаго».

Одежду и обувь всѣ оптинцы, не исключая и настоятеля, носили совершенно одинаковаго качества, и по одному и тому же образцу, такъ что старецъ о. Амвросій иногда говорилъ, шутя: «Оптинецъ вездѣ узнаешь: у нихъ у всѣхъ сапоги на прямую колодку». Каждому иноку, не исключая и послушниковъ, предоставлялась отдѣльная келлія, чтобы онъ могъ съ полнымъ удобствомъ, безъ помѣхи, отдаваться своимъ келейнымъ занятіямъ — молитвѣ, чтенію Слова Божія и отеческихъ книгъ и рукодѣлію. Порядокъ дня опредѣлялся, главнымъ образомъ, церковными службами: въ будни день начинался въ часъ по полуночи полунощницей, за которой непосредственно слѣдовала утренняя. Въ шесть часовъ утра совершалась ранняя литургія, въ девять часовъ утра — поздняя, въ четыре часа дня — вечерняя, и въ семь часовъ вечера — правило. Въ воскресные и праздничные дни въ этотъ порядокъ богослуженія вносилось то измѣненіе, что вмѣсто полунощницы и утрени совершалось всенощное бдѣніе въ шесть часовъ вечера, а передъ бдѣніемъ въ 3½ часа дня малая вечерняя. Богослуженіе посѣщала вся братія, свободные отъ специальныхъ послушаній — въ поварнѣ, въ пекарнѣ, въ мастерскихъ — сапожной, швальной, столярной, на конномъ дворѣ, въ лѣсу, на да-

чахъ и т. д. Однако, въ этомъ посѣщеніи церковнаго богослуженія не было ничего внѣшне и формально принудительнаго. Судьею каждаго въ этомъ случаѣ являлась его собственная монашеская совѣсть, воспитанная его монашескими обѣтами и общимъ строемъ и обычаями монастырской жизни. Свободное отъ церковныхъ службъ и отъ послушаній время каждый инокъ могъ проводить всецѣло по своему личному усмотрѣнію, не забывая, конечно, о своемъ званіи инока. Весь обиходъ своей жизни, какъ богослужебной, такъ и хозяйственной, Оптиная Пустынь всегда обслуживала преимущественно своими собственными силами, не прибѣгая къ наемному труду. Всѣ хозяйственныя работы, не исключая разработки лѣса, рыбной ловли, сѣнокоса, посѣва и уборки хлѣба и т. д. производились самими монахами. Ими же производились и всѣ штукатурныя, малярныя, кровельныя, плотничныя и строительныя работы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требовались какія-либо спеціальныя знанія. Впрочемъ, въ числѣ братіи были спеціалистъ-фельдшеръ и спеціалистъ-инженеръ, подъ руководствомъ котораго строилась новая каменная церковь въ Скиту. Сельско-хозяйственная дѣятельность въ Оптиной Пустыни, въ общемъ, была поставлена такъ хорошо, что монастырь получалъ даже награды за свой скотъ на земскихъ выставкахъ.

Возвращаясь снова къ Оптинскому богослуженію, мы должны сказать, что именно оно являлось, главнымъ образомъ, тою религіозно-воспитывающею духовною силою, благодаря которой Оптиная Пустынь имѣла такое благотворное вліяніе на окрестное населеніе — крестьянское, городское и помѣщичье, и на всѣхъ прибывавшихъ откуда бы то ни было въ Оптину Пустынь. Богослуженію отводилось въ Оптиной пустыни ежедневно отъ 7 до 8 часовъ. Оно совершалось строго по церковному уставу, безъ пропусковъ, съ канонархомъ, съ положенными чтеніями, неторопливо, ясно, отчетливо. Благодаря этому содержаніе церковныхъ пѣснопѣній, псалмовъ и поученій со всѣмъ ихъ разнообразіемъ, глубокимъ смысломъ и со всею ихъ красотою безъ затрудненія воспринималось и сердцемъ и умомъ молящихся, становилось неотъемлемымъ достояніемъ ихъ душъ и, такимъ образомъ, воспитывало ихъ духовно, налагало на нихъ свою духовную печать, которую они и уносили по своимъ домамъ, чтобы и тамъ подѣлиться полученными ими въ монастырѣ духовными впечатлѣніями. Богослуженіе Оптиной Пустыни было, такъ обр., духовной школой, въ которой незамѣтно, но

постоянно, день за днемъ, и годъ за годомъ, получали духовное, православное воспитаніе въ теченіе многихъ лѣтъ тысячи и десятки тысячъ слушателей изъ самыхъ различныхъ слоевъ русскаго общества. Это былъ своеобразный духовный университетъ русскаго народа, учившій не внѣшнимъ познаніямъ, но воспитывавшій чувства въ разумѣ истины. Впрочемъ, нужно сказать, что въ этомъ отношеніи Оптина Пустынь не является чѣмъ либо исключительнымъ въ ряду другихъ нашихъ благоустроенныхъ монастырей, оказывавшихъ своимъ богослуженіемъ, его содержаніемъ и напѣвами такое же благотворное воспитательное вліяніе на богомольцевъ. Дивная Кіево-Печерская Лавра, своеобразная Глинская Пустынь, величавая въ своей простотѣ Троице-Сергіева Лавра, Пустынный Валаамъ — всѣ они дѣлали одно общее всенародное, духовно-просвѣтительное дѣло.

Своеобразною особенностью внутренней жизни Оптиной Пустыни является ея «старчество», появившееся въ ней въ концѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и составлявшее ея славу въ теченіе всего XIX вѣка. Благодаря своему старчеству Оптина Пустынь стала нѣкоторой духовной лѣчебницей для душъ, исковерканныхъ грѣхомъ, потерявшихъ или не нашедшихъ смысла жизни, скорбящихъ и страждущихъ, ищущихъ вразумленія, утѣшенія и духовнаго руководства. Можно безошибочно сказать, что значительная часть Оптинскаго Братства пришла подъ кровъ этой обители, привлекаемая жаждою старческаго «окормленія», и нашла здѣсь, при помощи старцевъ, душевный покой и спасеніе. Да и большинство богомольцевъ искало въ Оптиной Пустыни не только молитвеннаго утѣшенія, но и разрѣшенія своихъ сомнѣній и недоумѣній, а нерѣдко и тяжелыхъ жизненныхъ драмъ изъ устъ ея мудрыхъ старцевъ и черезъ ихъ молитвы и наставленія.

Старчество придало Оптиной Пустыни особый духовно-свѣтлый обликъ, пронизало ее духомъ благожелательной и снисходительной любви, сдѣлало ее привлекательной и безконечно дорогой для грѣшныхъ душъ, ищущихъ спасенія. Въ старчествѣ раскрылось истинное значеніе и истинное назначеніе Оптиной Пустыни. И неудивительно, что у стѣнъ этой обители возникъ цѣлый поселокъ мірянъ, мужчинъ и женщинъ, семейныхъ и одинокихъ, для которыхъ стало жизненною потребностью ежедневно слушать Оптинское богослуженіе и ежедневно получать благословеніе и наставленіе Оптинскихъ старцевъ.

Изъ кн. прот. С. Четверякова «Оптина пустынь».

ИЕРОСХИМОНАХЪ МАКАРІЙ, СТАРЕЦЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

1. Въ міру и пустынь.

Иеросхимонахъ Макарій, въ міру Михаилъ Николаевичъ Ивановъ, происходилъ изъ дворянъ Дмитровскаго уѣзда Орловской губ. и родился подъ Калугою, въ сельцѣ родителей, Желѣзняки (у Лавреньева монастыря), въ 1788 году, 20-го ноября. Прадѣдъ его былъ инокъ-подвижникъ, дѣдъ и бабка — благочестивые люди, таковы же были и родители его. Мирно прошло время дѣтства Михаила въ родномъ его сельцѣ, которое отличалось особою красотою расположения; нѣсколько разъ въ день доносился до его дѣтскаго слуха монастырскій благовѣстъ. Изъ дѣтскихъ воспоминаній своихъ о. Макарій рассказывалъ впоследствии, какъ однажды, стоя съ родителями у обѣдни и увидѣвъ въ алтарѣ настоятеля, котораго онъ очень любилъ, онъ стремительно побѣжалъ къ нему, прямо черезъ царскія двери. Изъ четырехъ сыновей своихъ больше всего любила мать старшаго, Михаила, и говаривала: «Чувствуетъ мое сердце, что изъ этого ребенка выйдетъ что-нибудь необыкновенное!» Мальчикъ былъ тихій, молчаливый и не отходилъ отъ матери. На девятомъ году Михаилъ потерялъ мать, и отецъ перевезъ семью сперва въ орловское имѣніе свое, а потомъ въ г. Карачевъ. Тутъ отдалъ онъ мальчиковъ въ городское приходское училище.

Окончивъ курсъ и поживъ съ годъ въ деревнѣ у тетки, гдѣ не переставалъ учиться, четырнадцатилѣтній Михаилъ поступилъ бухгалтеромъ въ Львовское уѣздное казначейство; его родной и двоюродный братья были у него помощниками. Трудную должность свою онъ исправлялъ такъ хорошо, что черезъ три года былъ вызванъ въ казенную палату, въ Курскъ, и здѣсь тоже служилъ съ отличіемъ. Свободное время онъ посвящалъ игрѣ на скрипкѣ и чтенію.

Схоронивъ на восемнадцатомъ году отца, Михаилъ, выплатилъ братьямъ наслѣдство деньгами, принялъ имѣніе отца и поселился въ деревнѣ, выйдя въ отставку съ чиномъ губернскаго секретаря.

Хозяйство у Михаила Николаевича, по крайней снисходительности его, пошло плохо, и самъ онъ очень скоро убѣдился въ неспособности своей къ этому дѣлу, но любилъ деревню, гдѣ могъ свободно заниматься музыкою и чтеніемъ. Родственники хотѣли женить его, но когда пред-

ложенный ими брак разстроился, онъ сказалъ: «Слава Богу, я сдѣлалъ послушаніе братьямъ, но теперь меня никто не уговорить».

По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что желаніе отдать свою жизнь Богу уже созрѣла въ немъ. Накупивъ на Коренной ярмаркѣ много книгъ, большей частію духовныхъ, онъ углубился въ нихъ, а для смиренія плоти до усталости работалъ за верстакомъ. Осенью 1810 г. онъ поѣхалъ на богомолье въ Богородицкую Площанскую пустынь, и оттуда написалъ домой, что остается въ пустыни, отъ имѣнія отказывается, обязывая только братьевъ выдать тысячу руб. асс. на постройку каменнаго храма тамъ, гдѣ погребень былъ ихъ родитель.

Вѣроятно, въ пустынь привело юношу тайное влеченіе, и, когда онъ увидѣлъ ее, возгорѣлся въ немъ божественный огонь.

По воспоминаніямъ родственниковъ, Михаилъ Николаевичъ съ дѣтства былъ набоженъ, нравственно чистъ и кротокъ. Отъ дѣтскихъ игръ уклонялся, а любилъ чтеніе, клейку домиковъ или вырѣзываніе фигуръ. Съ дѣтства былъ онъ слабъ, худощавъ и страдалъ безсонницею. Многіе, по скромности его, называли монахомъ.

Удаленная отъ всякаго жилья, окруженная со всѣхъ сторонъ лѣсами, Площанская пустынь вполне располагаетъ къ иноческой жизни. Въ десятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ ней были иноки строгой жизни... Но преимущественное вниманіе было обращено на внѣшнее поведеніе, а не на внутреннее дѣланіе, и не было установлено правила откровенія помысловъ старцамъ, благодаря которому процвѣтали Афонскіе скиты и нѣкоторыя русскія обители. Богатая угодіями, пустынь страдала недостаткомъ во всемъ, что покупается на деньги. Братія ходила въ многошвенныхъ рубищахъ и лаптяхъ, и исполняла всѣ черныя и полевыя работы. Съ полною ревностью принялся Михаилъ за эти труды, и, кромѣ того, изучилъ церковный порядокъ и уставъ и монашеское благочиніе.

Вскорѣ по вступленіи въ пустынь, молодой послушникъ постригся въ рясофоръ, съ именемъ Мельхиседека, и сталъ заниматься письмоводствомъ. Въ 1815 г. постриженъ въ мантию съ именемъ Макарія, рукоположенъ въ іеродіакона, и назначенъ ризничимъ.

Въ скоромъ времени въ Площанскую обитель перешель схимонахъ Афанасій (Захаровъ), ученикъ старца Паисія, и

съ нимъ о. Макарій вошелъ въ близкое общеніе, поселился у него въ келіи и служилъ ему до кончины.

Этотъ старецъ, бывшій въ міру гусарскимъ ротмистромъ и 30 лѣтъ вступившій въ обитель подъ руководствомъ о. Паисія — достигъ высокой степени духовной жизни, и о. Макарій много пользовался его наставленіями. Подражая своему старцу, о. Макарій дѣлалъ выписки изъ отеческихъ и церковныхъ учительныхъ книгъ. У о. Афанасія были писанія великихъ иноковъ, необходимыя для монашескаго воспитанія (впослѣдствіи они изданы Оптиною пустынею) — и ученикъ его съ жаждою читалъ и переписывалъ эти писанія. Въ 1817 г. о. Макарій рукоположенъ въ іеромонахи.

Вскорѣ затѣмъ настоятелемъ въ Площанскую пустынь былъ назначенъ ученикъ старца Василия (Кишкина) — одного изъ ближайшихъ учениковъ о. Паисія — іеромонахъ Серафимъ. Онъ установилъ Кіевское пѣніе и учредилъ повсюду благоустройство. При немъ о. Макарій продолжалъ трудиться по письмоводству и по церковному благочинію.

Въ эти годы о. Макарій совершилъ пѣшкомъ, въ убогой одеждѣ, второе уже свое богомолье въ Кіевъ, гдѣ привѣтливо былъ принятъ намѣстникомъ Антоніемъ. Въ 1824 г. ѣздилъ въ Ростовъ и Оптину. Въ 1825 г. онъ схоронилъ старца Антонія. Въ 1827 г. о. Макарій опредѣленъ духовникомъ Сѣвскаго Троицкаго дѣвичьяго монастыря. Съ этого времени начинается новая дѣятельность его наставническая, прекратившаяся только съ его смертью; тутъ же начато и обширной его духовной переписки.

Въ слѣдующемъ году въ Площанскую пустынь прибылъ съ учениками своими о. Леонидъ, и, проведя въ ней полгода, переселился въ Оптину. Прибытіе о. Леонида прекратило то духовное сиротство, въ которомъ чувствовалъ себя о. Макарій. Въ его проникательномъ умѣ, при чтеніи свято-отеческихъ книгъ, а въ особенности при назначеніи духовникомъ, — возникло множество вопросовъ, которыхъ не могъ объяснить, конечно, никто изъ окружавшихъ его, и онъ молился, чтобы Богъ послалъ ему наставника съ даромъ духовнаго разсужденія. Именно этотъ даръ и былъ въ отцѣ Леонидѣ, какъ плодъ, понесенныхъ имъ великихъ искушеній и борьбы.

Съ тѣхъ поръ установилась духовная связь этихъ старцевъ. О. Леонидъ считалъ о. Макарія сотоварищемъ по монашеству и разумѣнію, но, уступая просьбамъ и смиренію

его, рѣшился съ нимъ обращаться, какъ съ ученикомъ.

По отъѣздѣ о. Леонида въ Оптину, о. Макарій вступилъ съ нимъ въ переписку.

Нѣсколько лѣтъ исправлялъ должность благочиннаго о. Макарій, въ 1831 г. былъ взятъ архіереемъ въ качествѣ казначея и эконома въ Петербургъ, гдѣ и пробылъ ровно годъ.

Пребываніе среди шума городского, внѣшнія заботы и лишеніе пустыни сильно тяготили о. Макарія. По возвращеніи своемъ, онъ подалъ прошеніе о переводѣ въ скитъ при Оптиной пустыни, о чемъ заранѣе сговорился съ о. Моисеемъ и о. Леонидомъ Оптинскими.

Послѣ долгихъ ожиданій, все устроилось, — и 5-го февраля 1834 года о. Макарій, которому было тогда 47 л., поселился въ Оптинскомъ скиту, начальникомъ коего былъ о. Антоній (братъ о. Моисея). Къ Площанской обители о. Макарій до конца дней сохранилъ любовь и благодарную память.

II. Оптина и дѣятельность старца.

Въ первые два года своего пребыванія въ скиту, о. Макарій, находясь при о. Леонидѣ, помогалъ ему въ обширной его перепискѣ; въ 1836 г. опредѣленъ духовникомъ обители, а съ 1-го декабря 1839 г. назначенъ скитоначальникомъ.

Иго послушанія своему старцу о. Макарій понесъ до конца; зная высокое духовное устроеніе своего ученика, о. Леонидъ испытывалъ терпѣніе о. Макарія, дабы, по слову св. Іоанна Лѣствичника, доставить подвижнику вѣнецъ. Такъ, однажды о. Макарій, уже будучи духовникомъ, не спросясь старца, согласился на просьбу о. Моисея — принять отъ мантии нѣкоторыхъ новопостриженныхъ. Возвратясь въ скитъ, о. Макарій сказалъ о. Леониду, окруженному въ то время народомъ, зачѣмъ звалъ его настоятель. — Притворяясь гнѣвающимся, о. Леонидъ, возвыся голосъ, сталъ укорять о. Макарія, который, поникнувъ головою, повторялъ только: «виновать! простите Бога ради, батюшка», — и, когда старецъ умолкъ, поклонился въ ноги. Всѣ присутствовавшіе смотрѣли на эту картину одни съ недоумѣніемъ, другіе съ благоговѣйнымъ удивленіемъ. Когда о. Леонидъ былъ перемѣщенъ изъ скита въ монастырь, о. Макарій продолжалъ посѣщать его ежедневно, — то приходилъ за разрѣшеніемъ, возникавшихъ въ немъ, по должности ду-

ховника, недоумѣній, то приносилъ подготовленныя, по приказанію старца, письма. Когда скончался о. Леонидъ, — о. Макарій оплакивалъ его не менѣе, чѣмъ перваго старца своего, Афанасія. Этотъ насадилъ, а о. Леонидъ укрѣпилъ въ немъ сѣмена духовнаго вѣдѣнія.

Въ должности скитоначальника, о. Макарій много потрудился и надъ внѣшнимъ, и надъ духовнымъ благоустройствомъ скита. Скитъ не только содержалъ себя, но излишекъ, послѣ расходовъ, отдавался настоятелю, на монастырь; въ 1858 г. скитъ былъ обезпеченъ въ своемъ существованіи и на будущее время вкладомъ г. Полугарскаго. Во время управленія о. Макарія скитомъ, въ скиту сдѣлано много новыхъ построекъ, обновлены старыя, устроена новая библіотека въ особомъ помѣщеніи и украшена церковь. Церковь скитская, составлявшая особую заботу старца, совершенно при немъ преобразилась. Долго она сохраняла какую-то печать великой любви, усердія и благоговѣнія старца, которую онъ на нее наложилъ. Ризница скитская обогатилась новыми облаченіями, изъ которыхъ многія были работы монахинь, духовныхъ дочерей старца. Избыткомъ облаченій скитъ дѣлился съ монастыремъ и съ бѣдными церквами Востока и нашего Западнаго края. Продолжая дѣло о. Антонія, о. Макарій способствовалъ разведенію цвѣтовъ въ скиту, и окаймлявшія скитскія дорожки шпалеры разнообразныхъ цвѣтовъ — обязаны своимъ появленіемъ старцу. Плодовые деревья скита и тчельникъ скитскій приведены въ цвѣтушее состояніе. Имѣя особую привязанность къ лѣсу, — старецъ заботился о сохраненіи его, какъ живой ограды и лучшаго украшенія обителей.

Когда сильная буря произвела опустошеніе, особенно въ участкѣ, отдѣляющемъ скитъ отъ монастыря, — старецъ засѣялъ новыя хвойныя деревья, которыя прекрасно возшли. Въ 1857 г. при участіи московскаго митрополита Филарета, уважавшаго о. Макарія, утверждены штаты для скита, чѣмъ скитъ избавленъ отъ нареканій монастырской братіи въ занятіи монастырскихъ вакансій.

Прекрасный знатокъ церковной службы, старецъ ввелъ въ нее порядокъ и точность, завелъ канонарха и пѣніе «на подобны», — перенятыя и монастыремъ; въ церкви старецъ замѣчалъ и исправлялъ малѣйшія утущенія. Иногда самъ онъ пѣвалъ въ церкви, и особенно поразителенъ былъ его видъ во время пѣнія на Страстной седмицѣ «Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный». Слезы катились по блѣд-

нымъ ланитамъ его, и, казалось, что, дѣйствительно, взору его открыты таинственные чертоги.

По должности старца, которому иноки открываютъ по-

Старецъ о. Макарій.

мысли, — его вниманіе и двери его келии были постоянно открыты для учениковъ. Предварясь Иисусовой молитвою, можно было войти во всякое время и часъ. Онъ даже безпокоился, не видя у себя долго тѣхъ, кто постоянно обра-

щался къ нему. Подавая всюду примѣръ, присутствуя въ церкви и на трапезѣ, старецъ искусно распредѣлялъ, по характеру и способности всякаго, послушанія и назначалъ келейныя занятія. Каждому указывалъ на соотвѣтствующее его духовной мѣрѣ чтеніе, а во избѣжаніе малѣйшей праздности, внушалъ заниматься рукодѣліемъ. Онъ завелъ и поддерживалъ въ скиту рукодѣліе токарное, переплетное, футлярное и ложечное, изъ коихъ три первыхъ зналъ самъ. Матеріаль шелъ отъ старца, а за сработанныя вещи, давалось имъ «утѣшеніе» — чай, сахаръ, четки, книги; вещи раздавались посѣтителямъ обители.

Трудно изобразить вліяніе старца на монаховъ и умѣніе его руководить каждымъ, по складу его, пониманіе, въ чемъ нуждается именно въ данную минуту душа. Одного не любилъ онъ, — желавшихъ все дѣлать по своей волѣ и лукаво вопрошавшихъ его. Иногда старецъ предостерегалъ такихъ самочинныхъ объ юждавшей ихъ бѣдѣ, которая и приходила. «Врагъ, — училъ старецъ словами св. Отцевъ, — не только не любить откровеніе помысловъ, но и самого голоса не терпитъ, какимъ оно произносится. Вотъ отчего и старается отвлекать отъ него».

Старецъ принялъ для постриженія въ Оптину всего 60 человѣкъ.

По смерти о. Леонида, на попеченіи о. Макарія естественно осталась вся духовная паства мірянъ, почившаго старца, и эта паства все расширялась. Въ послѣдніе годы жизни, удрученный усталостью, старецъ не разъ выражалъ скорбь о томъ, что не долженъ и не можетъ уклоняться, отъ обуревавшаго его народнаго множества. И онъ несъ съ вѣрою, возложенный на него крестъ.

Служеніе о. Макарія совершалось посредствомъ устныхъ бесѣдъ и разговоровъ, съ пріѣзжавшими для свиданія съ нимъ въ Оптину и переписки съ лицами, издали къ нему обращавшимися. На все это нужно было урывать время и безъ того заполненное иноческими и начальническими обязанностями.

Мужчинъ старецъ принималъ у себя въ келіи во всякое время, ютъ ранняго утра и до закрытія вратъ; женщинъ ва вратами, или во внѣшней келіи, у вратъ. Кромѣ того, послѣ трапезы, отдохнувъ съ полчаса на узкой кровати, онъ отправлялся въ монастырскую гостиницу. По скитской дорожкѣ и повсюду на пути ждало много народу, сошедшаго сюда къ старцу со своими грѣхами, горестями, недоумѣ-

ніями, скорбями. Сѣдой старецъ, средняго роста, лѣтомъ въ мухояровой, поношенной ряскѣ и башмакахъ, зимой въ старой драдедамовой шубкѣ, шель съ костылемъ и четками. Некрасивое и неправильное по внѣшности лицо его, съ выраженіемъ самоуглубленія, сіяло неземною красотою, умягчая больныя сердца.

Не однѣ только души врачеваль старецъ. Помазуя елемъ изъ лампы, горѣвшей въ его келіи предъ чтимою имъ Владимірскою иконою, старецъ приносилъ великую пользу больнымъ тѣломъ, и случаи такихъ исцѣленій немалочисленны. Особенно часты были исцѣленія бѣсноватыхъ. Слѣдующій случай заслуживаетъ большого вниманія: одинъ сформованный человѣкъ подвергся припадкамъ бѣснованія, проявлявшимся при приближеніи къ священнымъ предметамъ; долго родные, не хотѣвшіе признать сущность болѣзни, лечили его за границей, у докторовъ и на водахъ; пользы не было. Одинъ вѣрующій товарищъ привезъ его въ Оптину, и изъ гостиницы послалъ потихоньку просить старца. Больной, не слыхавшій о немъ никогда, сталъ беспокоиться и заговорилъ: «Макарій идетъ, Макарій идетъ!» — и едва вошелъ старецъ, бросился на него съ неистовымъ крикомъ и зашилъ его. Великій подвижникъ, познавъ козни врага, употребилъ сильнѣйшее орудіе — смиреніе, и быстро подставилъ ему другую ланиту. Опаленный смиреніемъ, бѣсъ вышелъ изъ страждущаго, который въ оцѣпенѣніи лежалъ долго у ногъ старца, а потомъ, не помня о своемъ поступкѣ, всталъ исцѣленнымъ.

Слово старца было со властію. Оно заставляло повиноваться невѣрующаго, обнадеживало безнадежныхъ, и власть его была въ великомъ опытѣ и примѣрѣ, и въ кротости. Съ вѣрою приходившіе къ нему, получали не только духовную пользу, но и устроеніе своихъ земныхъ дѣлъ. Споровъ онъ не любилъ, зная, что пользы въ нихъ нѣтъ; съ лицами, приходившими изъ любопытства или съ желаніемъ поучить его, былъ смирененъ и молчаливъ. Когда же предъ нимъ были, дѣйствительно, скорби душевныя и болѣзни, какое одушевленіе и сочувствіе наполняло его! Онъ забывалъ и слабость силъ, и необходимость отдыха, и пищу, и нерѣдко выходилъ послѣ бесѣды, едва переводя дыханіе, изнеможенный совершенно. Послѣ такого утомленія обнаружилась и его послѣдняя болѣзнь.

Въ отношеніяхъ къ старцу требовалась простота сердца; поэтому люди изъ народа всего скорѣе получали отъ него пользу.

Кромѣ скита Оптиной пустыни, подѣ духовнымъ руководствомъ старца находились женскіе монастыри: Севскій, Бѣлевскій, Казанскій, Серпуховскій, Калужскій, Елецкій, Брянскій, Смоленскій, Вяземскій и нѣкоторые другіе. Изъ монастырей Калужской епархіи о. Макарій посѣщаль мужскіе монастыри: Малоярославецкій, Мещовскій и Тихонову пустынь.

Переписка у старца была обширная. На вопросы, требующіе духовнаго разсужденія, онъ отвѣчалъ самъ. Ученики же помогали ему въ письмахъ практическаго содержанія, малосложныхъ и краткихъ, не составлявшихъ тайны. Письма не сходили съ его стола. Отрываясь отъ нихъ для бесѣды или скитскихъ правилъ, освободившись, сейчасъ же онъ брался за нихъ снова. Только два раза въ недѣлю, въ день отхода почты, по утрамъ, старецъ прекращаль пріемъ посѣтителей, и занимался исключительно письмами. Помощниками въ перепискѣ старца были іеромонахъ Амвросій (впослѣдствіи оптинскій старецъ), монахъ Ювиналій (Половцевъ), Леонидъ (Кавелинъ). Лучшимъ памятникомъ по себѣ старецъ оставилъ свои письма, изданныя по кончинѣ его въ нѣсколькихъ томахъ и представляющія сокровищницу духовныхъ совѣтовъ.

III. Келейная жизнь. Кончина.

Добродѣтельно, проникавшею все существо о. Макарія, было смиреніе, которое есть мать всѣхъ дарованій. Хотя и окончивъ свое образованіе въ приходскомъ училищѣ, 14-ти лѣтъ, исполненіемъ заповѣдей, вдумчивымъ чтеніемъ святаго писанія и ютцовъ церкви, о. Макарій достигъ высокаго духовнаго пониманія, и не только зналъ въ совершенствѣ церковное ученіе, но даже сбылось на немъ слово св. Исаака Сирина: «смирennemудрымъ открываются таинства».

Въ великой мѣрѣ дѣйствовалъ въ о. Макарії даръ разсужденія. Вотъ какъ представляетъ этотъ верховный даръ св. Антоній Великій: «Онъ учитъ человѣка оставлять обоюдное безмѣріе, шествовать путемъ царскимъ (среднимъ) и не допускаетъ, чтобъ онъ былъ окрадаемъ, съ одной стороны, безмѣрнымъ воздержаніемъ, а, съ другой, — былъ низвлеченъ къ нерадѣнію и разслабленію. Онъ, испытывая всѣ помышленія и дѣла человѣка, раздѣляетъ и отлучаетъ всякое лукавое и не угодное Богу дѣло и удаляетъ отъ него прелесть. Безъ разсужденія ни одна добродѣтель не мо-

жетъ составиться или пребыть до конца твердою, ибо разсужденіе есть хранительница всѣхъ добродѣтелей».

«Отъ послушанія, — говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, — смиреніе, отъ смиренія — разсудительность, отъ разсудительности — проникательность, а отъ послѣдней — проворливость».

Руководствуясь этимъ даромъ, старецъ всякому и преподавалъ нужное по обстоятельствамъ и свойствамъ человѣка наставленіе.

Смиреніе старца выражалось во всякомъ движеніи, словѣ и видѣ его. Это же глубокое смиреніе давало ему и мирность духа. «Слава Богу, — говорилъ онъ, узнавая, что кто-нибудь злословить его, — онъ одинъ только и уразумѣлъ обо мнѣ правильно; вы прельщаетесь, считая меня нѣчто быти. Это (злословіе) духовныя щетки, стирающія нашу душевную нечистоту».

Пламенная любовь старца выражалась дѣломъ; онъ не отвращался никого, требующаго душевной или внѣшней помощи. Долготерпѣніе и кротость, вмѣстѣ съ дѣтскою простотою и незлобіемъ, растворяли его любовь.

Портретъ былъ снятъ со старца лишь за годъ до его кончины. Лицо его было некрасиво по внѣшности, но бѣло и свѣтло, озаряемое внутреннимъ свѣтомъ духа, взоръ тихъ, слово смиренно. Святыхъ Таинъ пріобщался онъ ежемѣсячно съ великимъ умиленіемъ.

Лѣтомъ носилъ онъ бѣлый холщевый подрясникъ, на головѣ черная вязаная шапочка, для молитвы — краткая мантия. Выходя изъ дому, надѣвалъ черную мухояровую ряску; зимою еще легкую, крытую старымъ темнозеленымъ драдедамомъ, шубку.

Нравъ старца былъ чрезвычайно живой и подвижный. Излишней медленности, вялости, долгихъ сборовъ не любилъ. Послушаніе надо было исполнять скоро. Память была у отца Макарія изумительная. Послѣ одной исповѣди онъ навсегда запоминалъ главныя обстоятельства жизни человѣка. Страдая косноязычіемъ и недостаткомъ дыханія, старецъ не служилъ въ церкви.

Относительно внѣшнихъ подвиговъ о. Макарій держался средняго пути, не вдаваясь въ крайности, и вкушалъ на трапезѣ всего, но весьма понемногу. На вечернюю трапезу рѣдко удавалось ему поспѣть, и онъ вкушалъ дома, изъ горшечковъ. Подобно своему старцу, о. Афанасію, о. Макарій жалѣлъ животныхъ. Зимою онъ ежедневно сыпалъ на

особую за окномъ полочку конопли для птицъ, и на полочку слеталось много синичекъ, коноплянокъ и маленькихъ сѣрыхъ дятловъ. Замѣтивъ, что сойки обираютъ малыхъ птицъ, поѣдая разомъ всю дневную порцію, старецъ сначала, отрываясь отъ письма, ютгонялъ соекъ стукомъ въ окно, а потомъ сталъ сыпать зерна въ банку, въ которую могли влетать только мелкія птицы.

Старецъ занималъ небольшою деревянный домикъ, слѣва отъ скитскихъ вратъ. Первая комната, стѣны которой были украшены изображеніями архіереевъ и подвижниковъ благочестія, была пріемная; вторая, выходившая окномъ на главную скитскую дорожку, — его келія. У окна стоялъ простой столъ, обремененный письмами, книгами, у стола — кресло; по стѣнамъ — много иконъ и крестовъ и, между прочимъ, особо чтимая старцемъ Владимірская икона съ неугасимою лампадой.

Подъ иконами — угольникъ для чтенія правилъ и аналоецъ съ Евангеліемъ и служебными книгами. У западной стѣны — узкая кровать.

Старецъ вставалъ ежедневно по звону къ утрени въ два часа, а въ случаѣ нездоровья, — не позже трехъ и будилъ келейниковъ; затѣмъ совершалось длинное утреннее правило, и старецъ оставался одинъ. Въ седьмомъ часу, послѣ новаго правила — старецъ выпивалъ чашку-двѣ чаю и принимался за письмо или книгу. Съ этого же времени начинали къ нему приходять.

Дверь скрипѣла на ржавыхъ петляхъ, предупреждая, вмѣсто доклада, о приходящихъ; все чаще и чаще люди входили черезъ ворота скита. Въ одиннадцать часовъ звонъ къ трапезѣ, къ которой старецъ всегда ходилъ. Послѣ трапезы часъ-полъ часа единственнаго во весь день свободнаго времени, а затѣмъ опять посѣтители. Часа въ два старецъ идетъ въ гостиницу, гдѣ ждетъ его множество народа, и всѣхъ онъ выслушивалъ съ удивительною кротостью и терпѣніемъ.

Измученный, чуть переводя дыханіе, съ языкомъ, усталымъ до того, что не могъ уже болѣе внятно произнести ни одного слова, — старецъ возвращался домой и вмѣсто отдыха слушалъ краткое правило. Потомъ принималъ скитскую братію, послѣ ужина слушалъ вечернее правило, и, когда огни во всемъ скитѣ давно погасли, въ окнѣ келіи старца еще былъ виденъ свѣтъ.

Молитва старца была непрестанна. Въ бесѣдѣ, на пра-

вилъ, за письменнымъ столомъ, на пути и даже во время сна изъ устъ его слышались восклицанія: «Боже милостивый... Мати Божія... Исусе мой!» Страдая безсонницей, просыпаясь или вовсе оставаясь безъ сна, старецъ словословилъ тогда имя Божіе. По временамъ онъ приходилъ, при размышленіи о Божествѣ и Промыслѣ Его, въ духовный восторгъ и запѣвалъ одну изъ любимыхъ церковныхъ пѣсней своихъ. Иногда удивлялся премудрости Творца, переходя отъ цвѣтка къ цвѣтку, окаймлявшихъ скитскія дорожки. Готовясь къ причастію, старецъ усугублялъ постъ.

Сначала пятидесятихъ годовъ здоровье старца, всегда слабое, особенно пошатнулось; тщетно, преданныя лица, убѣждали его съѣздить въ Москву къ врачамъ. Наконецъ, московскій митрополитъ Филаретъ написалъ ему письмо, оканчивавшееся такъ: «Если бы я звалъ васъ къ себѣ, вы могли бы отказаться, не думавши. Но какъ я зову васъ къ московскимъ чудотворцамъ и преподобному Сергію, то, надѣюсь, вы подумаете о семъ не безъ вниманія. Господь да устроитъ Ему угодное. Прошу молитвъ вашихъ». Послѣ этого письма старецъ не рѣшился далѣе отказываться и поѣздка въ Москву принесла пользу его здоровью.

Въ 1853 г. старецъ, чтобъ избавиться отъ хозяйственныхъ хлопотъ, сложилъ съ себя званіе скитоначальника. Въ 1853 г. о. Макарій награжденъ наперстнымъ крестомъ, въ 1857 г. — другимъ, въ память Крымской кампаніи.

Онъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за нею. Когда пришла вѣсть объ оставленіи Севастополя, старецъ зарыдалъ, и, упавъ на колѣни, долго молился безъ словъ предъ иконами Богоматери. Вообще, старецъ чутко относился къ общественнымъ вопросамъ и понималъ ихъ, постоянно соприкасаясь съ людьми всѣхъ положеній; онъ очень сочувствовалъ вопросамъ объ улучшеніи народнаго блага, грамотности, воспитанія.

За два года до кончины старецъ келейно постригся въ схиму. Мысль о томъ подала ему кончина митрополита кievскаго Филарета (въ схимѣ Феодосія).

Послѣдняя болѣзнь старца началась 26-го августа въ день празднованія, чтимой имъ Владимірской иконы. 30-го онъ былъ соборованъ, и потомъ дѣлалъ распоряженія на случай своей кончины, благословлялъ входящихъ и одѣлялъ ихъ крестиками, четками и книгами. На слѣдующій день преподавалъ, спрашивающимъ, краткія, но выразительныя наставленія. Въ пустынь со всѣхъ сторонъ прибывали лица,

пользовавшіяся совѣтами старца, и въ церквахъ непрерывно служились о немъ молебны. Монахи еще допускались къ старцу. Отъ московскаго митрополита была привезена финифтяная икона и обѣщаніе молиться. За два дня до смерти старецъ приказалъ вынести себя изъ тѣсной своей кельи и положить въ болѣе обширную пріемную, на полу. Изъ окна, со-внѣ посѣтители могли видѣть умирающаго старца. Наканунѣ кончины страданія старца ожесточились. Вечеромъ онъ, сидя, выслушалъ отходную. Во время чтенія канонѡвъ и акафистѡвъ Христу и Божіей Матери страданія утихли. Со слезами взирая на образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и на Владимірскую икону, онъ взывалъ: «Слава Тебѣ, Царю мой и Боже мой, Мати Божія, помози мнѣ!» и, простирая руки, молилъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи. Ночь прошла крайне безпокойно. Старецъ задыхался. Взглядами, благословеніями, пожатіемъ руки выражалъ онъ благодарность, ходившей за нимъ братіи.

7-го сентября, въ предпразднество Рождества Богородицы, въ среду, 1860 г., въ 7 часовъ утра, — черезъ часъ по пріобщеніи, при окончаніи чтенія канона на разлученіе души съ тѣломъ, — о. Макарій, окруженный учениками, тихо предалъ духъ въ руки Божіи.

Тѣло о. Макарія не издавало смертнаго запаха; перенесеніе его изъ скита въ монастырь, среди народнаго множества, — не имѣло видъ похоронъ, а чего то свѣтлаго и торжественнаго.

О. Макарій погребенъ возлѣ отца Леонида.

Изданіе свято-отеческихъ книгъ.

Имя о. Макарія тѣсно связано съ великимъ дѣломъ изданія свято-отеческихъ аскетическихъ твореній, драгоценныхъ и для иноковъ, и для мірянъ.

Промыслъ Божій соединилъ въ Оптиной пустыни лицъ, которыя воспитались на переводахъ твореній этихъ, сдѣланныхъ старцемъ Паисіемъ Величковскимъ. О. Моисей, о. Леонидъ и о. Макарій оптинскіе — всѣ трое были наставлены въ духовной жизни ближними учениками о. Паисія и всѣ наслѣдовали ютъ старцевъ своихъ великую любовь къ переводнымъ трудамъ о. Паисія. Путемъ переписки этихъ переводовъ, они распространяли ихъ посреди мірянъ и монаховъ. Господу было угодно скоро извлечь изъ-подъ спуда это духовное сокровище, для общей пользы.

По просьбѣ И. В. Кирѣвскаго, редактора «Москвитянина», о. Макарій помѣстилъ въ этомъ журналѣ статью о жизни и заслугахъ предъ православнымъ иночествомъ о. Паисія. Затѣмъ какъ-то о. Макарій коснулся, въ разговорѣ съ Кирѣвскимъ, вопроса о недостаткѣ духовныхъ книгъ, руководствующихъ къ дѣятельной христіанской жизни.

Кирѣвскій сталъ убѣждать старца — издать переводы о. Паисія, и взялся просить на это дѣло благословенія митрополита московскаго Филарета. Митрополитъ обѣщалъ свое покровительство, которое, дѣйствительно, и оказывалъ этому дѣлу.

Богъ, — какъ говорилъ о. Макарій, — посылалъ на благое дѣло чрезъ добрыхъ людей, и потихоньку было издано большое число книгъ.

Занятія о. Макарія состояли въ приготовленіи къ печатанію славянскихъ переводовъ (снабженіи примѣчаніями малопонятныхъ мѣстъ) и переводѣ нѣкоторыхъ на русскій языкъ. Дѣятельность въ этомъ отношеніи о. Макарія была изумительна. Онъ жертвовалъ для этого дѣла своимъ краткимъ отдыхомъ, и, не отказываясь отъ обычныхъ старцевыхъ трудовъ своихъ — руководилъ непрестанно учениками изъ скитской братіи, помогавшими ему. Это были о. Амвросій, о. Ювеналій, о. Леонидъ. Всякое слово взвѣшивалось, обсуждалось, и безъ благословенія старца, ни одно не вписывалось въ рукопись, приготовляемую для типографіи.

Самыя драгоцѣнныя книги — св. Исаака Сирина и Аввы Дорофея. Помня, что изданіе было произведено на пожертвованія, и въ изъявленіе благодарности пособникамъ этого дѣла — оптинскіе старцы не могли ничѣмъ лучше воздать имъ, какъ широкимъ распространеніемъ душеполезныхъ этихъ писаній.

Въ этой цѣли, отъ Оптиной пустыни изданія были разосланы въ даръ: во всѣ библіотеки, какъ академическія, такъ и семинарскія, почти всѣмъ архіереямъ, ректорамъ, инспекторамъ семинарій и академій, высланы во всѣ общежительные русскіе монастыри на Аѳонскую гору.

Вотъ заглавіе изданій, вышедшихъ съ 1846 до 1860 гг.:

1. Житіе и писаніе Молдавскаго старца Паисія Величковскаго.

2. Четыре огласительныя слова къ монахинѣ.

3. Преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго, преданіе ученикамъ своимъ о жительствѣ скитскомъ.

4. Восторгнутые класы въ пищу души.

5. Преподобныхъ отцовъ Варсонофія Великаго и Іоанна руководство къ духовной жизни, въ отвѣтъ на вопрошаніе учениковъ.

6. Преподобнаго отца нашего Симеона Новаго Богослова, игумена, слова весьма полезныя (12 словъ).

7. Оглашеніе преподобнаго Θεодора Студита.

8. Преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника, голкованіе на молитву «Отче нашъ» и его же слово постническое по вопросу и отвѣту.

9. Св. отца нашего Исаака Сирина, епископа Ниневійскаго, слова духовно-подвижническія.

10. Книга преп. отцовъ Варсонофія и Іоанна, руководство къ духовной жизни (въ русск. переводѣ).

11. Преп. отца нашего аввы Фелассія, главы о любви, воздержаніи и духовной жизни.

12. Преп. отца нашего аввы Дорофея, душеполезныя поученія и посланія.

13. Житіе преподобнаго отца нашего Симеона Новаго Богослова.

14. Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Марка подвижника, нравственно-подвижническія слова.

15. Преп. отца нашего Юрсисія, аввы Тавенисіотскаго, ученіе объ устроеніи монашескаго жительства.

16. Преп. отца нашего аввы Исаіи, отшельника египетскаго, духовно-нравственныя слова.

Изъ кн. Е. Поселянина «Русск. подвижники XIX в.»

ОБЪ ИНОЧЕСКИХЪ ОБЪТАХЪ.

Изъ писемъ о богослуженіи А. Н. Муравьева.

Иночество, не будучи въ числѣ 7 таинствъ, служить въ нѣкоторыхъ случаяхъ важнымъ ихъ дополненіемъ, п. ч. оно принято, какъ приготовленіе къ высшимъ степенямъ іерархіи, образуетъ духовное обрученіе со Христомъ, и даже, по возвышенности своихъ обѣтовъ, называется у Св. Отцевъ вторымъ крещеніемъ.

По примѣру великаго пустынножителя пророка Іліи, удостоившагося видѣть славу преображенія на Фаворѣ, и по примѣру Іоанна Предтечи, большаго изъ всѣхъ рожденныхъ женами, по словамъ самого Христа, начали уединять-

ся первые отшельники христіанства, чтобы, вдали отъ искушеній и напастей языческаго міра, молитвенно созерцать Господа, подобно Ангеламъ на небесахъ. Они послѣдовали совѣту Апостола Павла, который, предвидя скорби истинныхъ христіанъ, представилъ самъ себя въ примѣръ отреченія отъ міра: «я вамъ сказываю, братіе: время уже коротко, такъ что, имѣющіе женъ, должны быть, какъ не имѣющіе; и радующіеся, какъ не радующіеся; и покупающіе, какъ не приобретающіе; и пользующіеся міромъ симъ, какъ не пользующіеся, потому что проходитъ образъ міра сего. А я хочу, чтобы вы были безъ заботъ. Неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу; а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ» (I Кор. 7, 29-33).

Отселъ любовь къ цѣломудрію и возвышенность духа надъ всѣми преходящими благами, и отрѣшеніе отъ всѣхъ мірскихъ узъ, или, по крайней мѣрѣ, пламенное желаніе этой духовной свободы, были всегда первыми стихіями монашескаго быта. Есть люди, въ которыхъ, по собственной благодати Божіей, влеченіе ко всему божественному, священному и вѣчному, столь живо, что они, кажется, только легкою нитію придерживаются временнаго и конечнаго; тогда собственно духовная природа человѣка столь рѣзко въ немъ проявляется, что противоположная ей умираетъ уже почти въ сей жизни, и самая жизнь, по словамъ Апостола, сокровена со Христомъ въ Богѣ. Такого рода люди не предпринимаютъ рѣшительнаго намѣренія отказаться отъ всего временнаго, чтобы заняться вѣчнымъ; безбрачіе, строгое воздержаніе въ лищѣ, удаленіе отъ житейскихъ наслажденій, не служатъ для нихъ средствомъ къ достиженію чего либо высшаго по духу; нѣтъ, они уже сами находятся въ этомъ высшемъ состояніи, которое такъ преисполняетъ ихъ сердце, такъ удовлетворяетъ всѣмъ ихъ желаніямъ, что юни, сами по себѣ, непринужденно воздерживаются отъ всего, такъ называемаго житейскаго, и внѣшній образъ ихъ жизни есть только выраженіе внутренняго ихъ расположенія. У большей части христіанъ, въ теченіе жизни, бывають иногда минуты, въ которыя благочестивая дѣятельность овладѣваетъ внутреннимъ человѣкомъ, до такой степени, что всѣ тѣлесныя потребности умолкають и какъ бы не дѣйствуютъ. То, что со многими случается рѣдко, съ немногими же чаще, то самое, у нѣкоторыхъ избранныхъ, бываетъ обычнымъ.

Таковы были Антоній великій, Пахомій, оба Макарія,

и другіе основатели иноческаго житія въ пустыняхъ Египта; таковы, и въ каменистыхъ ущеліяхъ Палестины, Иларіонъ, Евфимій, Феодосій, Савва, не считая прочихъ великихъ отшельниковъ. Святые мужи эти отличались, не только глубокимъ знаніемъ вещей божественныхъ и великимъ благочестіемъ, но и, по выпренности своего духа, не подчиненнаго внѣшнимъ впечатлѣніямъ, они имѣли ясный взглядъ на предметы и разумъ благихъ совѣтовъ; нѣкоторые же еще и даръ чудесъ и сверхъ-естественную силу исцѣленій и прозрѣніе будущаго. Къ нимъ, какъ къ избраннымъ друзьямъ Божиимъ, стекались изъ далекихъ странъ народы, привлекаемые свойственнымъ каждому уваженіемъ ко всему священному и великому, и многіе послѣдовали ихъ примѣру. Среди этихъ подражателей нѣкоторые имѣли истинное расположеніе къ иноческой жизни, но это, не совсѣмъ ясное въ нихъ чувство, требовало еще образованія и развитія, ибо внутреннее ихъ духовное богатство не могло само достигнуть совершенства; получивъ же однажды направленіе, они уже, твердою стопюю, шли по новому выпренному пути. Такимъ образомъ, вокругъ уединенныхъ келлій первыхъ отшельниковъ, образовались постепенно с к и т ы, то есть мѣста подвиговъ духовныхъ, и обширныя л а в р ы, какъ бы вѣнецъ ихъ, по самому наименованію и ими наполнились вскорѣ Египеть и Сирія.

Въ четвертомъ столѣтіи, самомъ цвѣтущемъ для иночества, св. Василій великій Архіепископъ Кесаріи, проводившій многіе годы въ уединеніи, послѣ продолжительнаго ученія въ Афинахъ, и посѣтившій обители пустынножителей, написалъ, сходно съ ихъ уставами, правила монашеской жизни для отшельниковъ своей Каппадокійской епархіи, отколѣ распространились они во всю Восточную Церковь, вмѣстѣ съ обрядами литургіи и другими канонами этого величайшаго іерарха. Святая гора Афонская и монастырь Студитовъ въ Константинополѣ сохранили, во всей строгости, иноческій уставъ Вселенскаго учителя, и въ совершенной чистотѣ передали Церкви Россійской, когда, во времена Великаго Князя Изяслава, въ XI вѣкѣ, первые пустынножители наши, Антоній и Феодосій Печерскій, пожелали устроить, по образу ихъ, свою новую обитель въ лѣсахъ и въ пещерахъ Кіева; оттуда развилось иночество по всей Россіи, и всегда было украшеніемъ и спасеніемъ отечества, во дни его славы и бѣдствій.

Я рассказалъ тебѣ, вкратцѣ, о началѣ иночества; но

если бы вникнуть пространнѣе въ постепенное его развитіе, если бы объять мыслию этотъ, такъ сказать, отдѣльный монашескій міръ, исполненный совершенства духовнаго, который процвѣлъ въ пескахъ Фиваиды и утесахъ Палестины и дремучихъ лѣсахъ нашей родины, если бы изобразить всѣ подвиги святыхъ ютшельниковъ и ихъ безмолвную жизнь, посвященную частію молитвѣ, частію трудамъ и призрѣнію убогихъ, какая бы величественная, назидательная картина развилась предъ тобою! Но я не хочу выходить изъ краткихъ предѣловъ этого письма и опишу тебѣ только одни трогательные обѣты, произносимые при вступленіи въ иночество. Ты увидишь изъ нихъ, какія добродѣтели требуются отъ инока и сколь свяшенно и назидательно міру лице его, когда по мѣрѣ слабыхъ силъ человѣческихъ, исполняетъ онъ долгъ своего званія; ты увидишь также, и можетъ быть, не безъ изумленія, что отреченія монашескія не многимъ разнствуютъ отъ тѣхъ обѣтовъ, какіе даетъ каждый христіанинъ, при святомъ крещеніи, потому что, кромѣ безбрачія и дѣвственности, которая присвоена иночеству, какъ высшая добродѣтель, процвѣтшая въ мірѣ только со времянь Спасителя, и кромѣ исключительнаго упражненія въ постѣ и молитвѣ, все прочее: смиреніе, цѣломудріе, послушаніе, преданность Христу Богу, требуется отъ инока наравнѣ съ каждымъ христіаниномъ. На всѣхъ одинаково лежитъ легкое иго Христово и пребываніе наше въ мірѣ не можетъ служить извиненіемъ, въ тяжкихъ отступленіяхъ отъ заповѣдей Божіихъ.

Трехлѣтній и с к у с ъ, или степень п о с л у ш н и к а, служитъ вступленіемъ въ монашескую жизнь, чтобы желающіе ея прежде испытали свои силы и тогда уже произносили невозвратные обѣты. Есть еще и другая приготовительная степень: прежде совершеннаго постриженія, облакаютъ иногда послушника не въ полное одѣяніе инока, съ установленными молитвами, что называется р я с о ф о р о м ъ, т. е. ношеніемъ рясы, дабы, въ ожиданіи полнаго иночества, онъ еще болѣе утверждался на избранномъ пути. Самое иночество заключаетъ въ себѣ двѣ степени, м а л ы й и в е л и к і й о б р а з ъ (по гречески с х и м а), потому что чистое житіе инока даетъ ему Ангельскій образъ на землѣ: но названіе с х и м н и к а, обычаемъ, исключительно присвоено у насъ только инокамъ высшей степени, весьма малочисленнымъ, которые, памятуя

совершенное свое отреченіе и уже, живя мыслею за гробомъ, большею частію предаются безмолвію и затвору.

Когда наступитъ день желаннаго постриженія, готовящійся братъ, предъ началомъ литургіи (иногда за утреней), принявъ благословеніе Игумена, слагаетъ съ себя обычныя одежды, на церковной паперти, и стоитъ въ преддверіи, въ одной власяницѣ, безъ пояса и обуви и покроя, въ знакъ своего отрѣшенія отъ міра; по входѣ съ Евангеліемъ и пѣніи антифоновъ, вся братія, съ возженными свѣчами исходитъ за нимъ, какъ бы въ срѣтеніе кающемуся сыну Евангельской притчи и поетъ умилительнымъ напѣвомъ: «объятія отчи отверсти ми потщися, блудно мое иждихъ житіе, на богатство неизслѣдываемое взирая щедротъ Твоихъ, Спасе. Нынѣ обнищавшее не презри сердце, Тебѣ бо, Господи, со умилніемъ зову: согрѣшихъ, Отче, на небо и предъ тебою».

Въ царскихъ дверяхъ, какъ бы во вратахъ отеческаго дома, встрѣчаетъ Игумень, трижды припадающаго брата и творитъ ему краткое увѣщаніе: чтобы онъ отверзъ ушеса своего сердца, внемля гласу Господа, зовущаго воспріять свое легкое иго, и помнилъ бы, когда со страхомъ и радостию будетъ давать обѣты, что Самъ Спаситель и его Матерь, и всѣ небесныя Силы, внимають словамъ его, которыя отзовутся ему въ послѣдній день воскресенія.

Тогда вопрошаетъ: «что пришелъ еси, брате, припадая къ святому жертвеннику и святой дружинѣ сей?» и внявъ отвѣту: «желаю житія постническаго, честный отче», опять спрашиваетъ: «желаеши ли сподобитися ангельскаго образа и вчинену быти лику монашествующихъ?» — «Ей, Богу содѣйствующу, честный отче», смиренно отвѣчаетъ послушникъ; Игумень же одобряетъ его благое намѣреніе такими словами: «во истину добро дѣло и блаженно избралъ еси: но аще и совершиши е; добрая бо дѣла трудомъ стяживаются и болѣзнію исправляются».

Но не довольствуясь произвольнымъ пришествіемъ новаго подвижника и его первымъ сознаниемъ, онъ еще испытываетъ подробно: «вольною ли мыслею приступаетъ къ Богу, а не отъ нужды и насилія? пребудетъ ли въ монастырѣ и постничествѣ даже до послѣдняго издыханія? сохранить ли себя въ дѣвствѣ и цѣломудріи и благоговѣніи и въ послушаніи къ настоятелю и братіи? и потерпитъ ли всякую скорбь и тѣсному житію монашескаго, ради царствія небеснаго?» и на все это слышитъ тотъ же смиренный отвѣтъ,

исторгаемый сознаниемъ своей немощи и упованиемъ небесной силы: «ей, Богу содѣйствующу, честный отче».

Послѣ столь искренняго признанія, удаляющаго уже всякую тѣнь сомнѣнія о доброй волѣ постригающагося, Игумень подаеть ему благіе совѣты, объясняя въ чемъ состоитъ иноческое житіе: онъ полагаетъ основаніемъ его чистоту, смиренномудріе и совершенное самоотверженіе, предостерегаетъ о искушеніяхъ, какія воздвигнетъ на воина Христова врагъ человѣческой, памятью прежняго житія, и предлагаетъ въ примѣръ святыхъ мучениковъ и Самого, обнищавшаго, насъ ради, Господа, и, наконецъ, еще однажды спрашиваетъ: «объщается ли пребывать въ сихъ обѣтахъ, даже до конца жизни, по благодати Христовой?»

«Ей, Богу содѣйствующу», снова отвѣчаетъ подвижникъ; Игумень же, вспоминая молитвенно благоутробіе щедрого Бога, рекшаго Израилю: «аще бы и жена забыла изчадіе свое, азъ не забуду тебе», укрѣпляетъ духъ новаго брата, обѣтованіемъ небесной силы въ подвигахъ духовныхъ, и утѣшенія Святаго Духа, и части святыхъ Антонія, Евфимія, Саввы и сущихъ съ ними во Христѣ Исусѣ.

Онъ велитъ поклонить голову сперва ему, потомъ и всей братіи и молить Господа, признавшаго достойными себя служителями тѣхъ, кои оставили все житейское, и показавшаго намъ различные пути ко спасенію, — оградить и сего раба своего, силою Св. Духа, принять его чистую жертву Богу и, съ отъятіемъ власовъ его, отъять и всякую похоть безсловесную, сподобивъ его легкаго своего ига, и соблюденія святыхъ заповѣдей, и сопричтенія къ лику избранныхъ.

Тогда, указывая ему на святое Евангеліе, лежащее на аналоѣ, какъ на самое присутствіе Христова, напоминаетъ, что по собственной волѣ хочетъ онъ обрученія великаго и Ангельскаго образа; это подтверждаетъ самъ постригающійся и, по повелѣнію Настоятеля, трижды подаеть ему ножницы отъ святого Евангелія. Игумень же говоритъ: «се отъ руки Христовы приемиши я; виждь кому сочетаешься, къ кому приступаеши и кого отрекаешься», и въ третій разъ, пріявъ изъ рукъ его ножницы, съ благословеніемъ имени Божія, постригаетъ власы ему, крестообразно, во имя Пресвятой Троицы.

При тихомъ пѣніи всей братіи: «Господи помилуй», начинается облаченіе новаго инока въ одежды его сана, рукой Настоятеля, объясняющаго постепенно ихъ духовное

значеніе, съ призываніемъ имени Тріединого Бога. «Братъ нашъ, говоритъ онъ, облачается въ хитонъ вольныя нищеты и нестяжанія: пріемлетъ параманъ, во обрученіе великаго образа и знаменія креста Господня, на свои перси; одѣвается одеждою радости духовной; препоясуетъ чресла свои силою истины, въ умерщвленіе тѣла и обновленія духа; покрывается шлемомъ надежды спасенія и покрываломъ послушанія; пріемлетъ (мантію) ризу спасенія и броню правды; обувается въ сандалія во уготовленіе благовѣствованія мира; пріемлетъ мечъ духовный, иже есть глаголь Божій», и, наконецъ, «братъ нашъ пріялъ обрученіе великаго Ангельскаго образа, и облекся во всѣ оружія, во имя Отца и Сына и Святаго Духа»; но при каждомъ облаченіи, онъ просительно обращается къ братіи: «рцемъ о немъ: Господи помилуй!»

Тогда Настоятель, съ молитвою, даетъ крестъ въ правую руку инока, напоминая ему слова Христовы: «рече Господь: аще кто хоцетъ послѣдовати мнѣ, да отвержется себѣ и возьметъ крестъ свой и да послѣдуетъ мнѣ».

Онъ даетъ ему возженную свѣчу, съ которою долженъ стоять всю литургію, до своего причащенія, у иконы Спасительной, и опять произносить: «рече Господь: тако да возсіяетъ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ».

Облачивъ же совершенно новаго инока, молится: чтобы Господь ввелъ раба Своего въ духовный Свой дворъ, сопричель къ словесному своему стаду; очистилъ его мудрованіе отъ плотскихъ похотей, и далъ бы ему непрестанно воспоминать блаженство, ожидающее любящихъ Бога и распявшихся, житіемъ монашескимъ, ради царствія небеснаго.

Тотъ же самый порядокъ вопросовъ, увѣщаній и молитвъ наблюдается и при постриженіи въ великую схиму, но по важности этого высшаго Ангельскаго образа, есть разность въ нѣкоторыхъ молитвахъ и увѣщаніяхъ, которыя пространнѣе, будучи приспособлены къ духовнымъ нуждамъ схимника, а въ облаченіи есть измѣненіе: — вмѣсто к л о б у к а надѣвають на него к у к о л ь незлобія и потомъ еще а н а л а в ъ, подобный священнической епитрахили съ крестами. Особенный канонъ положенъ также на утренѣ дня постриженія, и трогательны самыя антифоны, которые долженъ произносить пріемлющій схиму, когда вступаетъ въ церковь: «хотѣхъ слезама очистити моихъ

грѣховъ рукописаніе, Господи, и прочее живота моего благоугодити тебѣ, но врагъ лъститъ мя и бореть душу мою; Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя».

«Кто обуреваемъ и притекаяй къ пристанищу сему не спасется? или что, болѣзнуя и припадая ко врачеству сему, не исцѣлѣетъ? Содѣтелю всѣхъ и врачу недужныхъ, Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя».

«Овча есмь словеснаго твоего стада, и къ тебѣ прибѣгаю, пастырю доброму, взыщи мя заблудшаго, Боже, и помилуй мя».

Когда постриженіе иноческое не совершается во время литургіи, то и тогда, послѣ облаченія новаго брата и краткой ектеніи діакона, о его благосостояніи духовномъ, и пѣнія крещальнаго стиха: «елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь, аллилуія», читается, во услышаніе его, Апостоль и Евангеліе. Св. Павелъ, въ посланіи своемъ къ Ефесеямъ (6, 10-17), научаешь какова духовная брань наша и какъ должны мы сражаться:

«Братія мои, укрѣпляйтесь Господомъ и могуществомъ силы Его; облекитесь во всеоружіе Божіе, чтобы вамъ можно было стать противъ козней діавольскихъ; потому что наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ. Для сего примите всеоружіе Божіе, дабы вы могли противостать въ день злый и, все преодолѣвши, устоять. Итакъ станьте, препоясавши чресла ваши истиною, и облекшись въ броню праведности, и обувши ноги въ готовность благовѣствовать миръ; а паче всего возьмите щитъ вѣры, которымъ возможете угасить всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго; и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть слово Божіе».

И Евангелистъ Матфей, проповѣдуя самсотверженіе, именемъ Христовымъ, зоветъ къ нему новаго подвижника: «Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто не беретъ креста своего и слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня. Приидите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обременные, и Я успокою васъ; возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ; ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (Мат. 10, 37-38; 11, 28-30).

А братія, привѣтствуя цѣлованіемъ мира новаго своего

сподвижника, поють: «познаемъ, братія тайства силу: блуднаго сына, отъ грѣха востекшаго къ отчому дому, пре-благій отецъ, встрѣтивъ, лобзаеть и вновь даруетъ ему познание своей славы, и совершаетъ таинственное съ горними пиршество, закалая тельца упитаннаго, дабы мы достойно сожителъствовали и предавшему его на закланіе, челоуко-любивому Отцу, и славной сей жертвѣ — закалаемому Спа-су душъ нашихъ».

ПОВѢСТИ ИЗЪ ЖИЗНИ СТАРЦЕВЪ.

Изъ Отечника.

1. Въ царствованіе императора Феодосія жилъ близъ Константинополя нѣкоторый монахъ въ маленькой келліи, внѣ города, невдалекѣ отъ вратъ, изъ которыхъ императоры обыкновенно выѣзжали за городъ для прогулки. Феодосій, услышавъ, что тутъ живетъ монахъ-затворникъ, никуда невыходящій изъ келліи, началъ при прогулкѣ направляться къ этому мѣсту. Послѣдовавшимъ за нимъ придворнымъ, онъ приказалъ не приближаться къ келліи монаха, — подѣхалъ къ ней одинъ и постучался въ дверь. Всталъ монахъ, отворилъ ему дверь, но не узналъ, что это былъ императоръ, потому что императоръ, чтобъ не быть признаннымъ, снялъ съ себя царскій вѣнецъ. Послѣ обычной молитвы оба они сѣли, и спросилъ императоръ монаха: какъ живутъ святые Отцы въ Египтѣ? Монахъ отвѣчалъ: всѣ молятъ Бога о спасеніи нашемъ. Между тѣмъ, императоръ внимательно осматривалъ самую келлію. Въ ней онъ не увидѣлъ ничего, кромѣ немногихъ сухихъ хлѣбовъ въ корзинкѣ, которая висѣла на веревкѣ, прикрѣпленной къ потолку. Императоръ сказалъ: авва! на благословеніе предложи мнѣ пищу. Монахъ вложилъ поспѣшно въ сосудъ соли и сухарей, влилъ воды, и они вмѣстѣ употребили эту пищу; затѣмъ монахъ подаль чашу воды императору, который и выпилъ ее. Тогда Феодосій сказалъ: знаешь ли, кто я? Монахъ отвѣчалъ: не знаю, кто ты, господинъ. Императоръ: Я, Феодосій, императоръ, пришелъ къ тебѣ попросить молитвъ твоихъ. Монахъ, услышавъ это, палъ ему въ ноги. Императоръ продолжалъ: блаженны вы монахи, свободные отъ мірскихъ заботъ! вы наслаждаетесь спокойною и безмолвною жизнію: попеченіе ваше только о спасеніи душъ вашихъ, о достиженіи жизни вѣчной, о полученіи на-

градъ небесныхъ. Будь увѣренъ въ справедливости словъ моихъ; я рожденъ отъ царя и царствую: но никогда не вкусилъ пищи съ такою пріятностію, какъ теперь. Послѣ этого императоръ поклонился съ особеннымъ уваженіемъ монаху, и вышелъ отъ него. Въ ту же ночь рабъ Божій началъ такъ размышлять самъ съ собой: мнѣ ужъ не подобаетъ оставаться въ этомъ мѣстѣ: теперь, слѣдуя примѣру императора, пойдутъ многіе ко мнѣ не только изъ народа, но и придворные и сенаторы не преминутъ воздавать мнѣ почести, какъ служителю Божію. Хотя они будутъ дѣлать это ради имени Божія: однако, я боюсь за себя, чтобъ лукавый діаволь не обольстилъ меня непримѣтнымъ образомъ, чтобъ я не сталъ находить удовольствія въ пріемѣ знатныхъ особъ, чтобъ сердце мое не усладилось ихъ похвалами и уваженіемъ ко мнѣ, чтобъ не потерять мнѣ смиренія. Человѣкъ Божій, разсмотрѣвъ все это, бѣжалъ оттуда въ ту же ночь и прибылъ въ Египеть, въ пустыню къ святымъ Отцамъ.

2. Между святыми старцами былъ мужъ великій, которому Христосъ даровалъ такую благодать, что онъ, по дѣйствию Святаго Духа, видѣлъ то, чего другіе не видятъ. Онъ сказывалъ, что однажды сидѣли многіе братія, разговаривая между собою. Когда разговоръ шель душеспасительный, и приводимы были для назиданія изреченія изъ Св. Писанія, тогда стояли между братіями святыя Ангелы; на лицахъ ихъ сіяла радостная улыбка: они съ удовольствіемъ внимали бесѣдѣ о Господѣ. Когда же разговоръ переходилъ къ предметамъ суетнымъ, Ангелы огорчались и тотчасъ уходили далеко отъ бесѣдующихъ, въ средѣ которыхъ появлялись нечистѣйшіе кабаны, покрытые струпами, и вращались вокругъ ихъ. Это были демоны; они принимали видъ кабановъ и увеселялись пустословіемъ и многословіемъ монаховъ. Увидѣвъ это, блаженный старецъ ушелъ въ свою келлію, и въ продолженіи всей ночи плакалъ и рыдалъ: стенанія и слезы изливались изъ сердца его о горестномъ недугѣ паденія нашего. Онъ увѣщевалъ и наставлялъ отцовъ и братій по монастырямъ, говоря: охраняйтесь, братія, отъ многословія и суетныхъ бесѣдъ, отъ которыхъ рождаются для души вредъ и погибель: мы не понимаемъ, что черезъ такія бесѣды содѣлываемся ненавистными Богу и Ангеламъ Его. Говоритъ Писаніе: «при многословіи не

миновать грѣха» (Прит. 10, 19). Многословіе разслабляетъ душу и умъ нашъ, вноситъ въ нихъ пустоту.

3. Одинъ изъ старцевъ Скита послалъ ученика своего въ Египетъ привести верблюда, чтобъ отвезти въ Египетъ, сдѣланныя имъ корзины. Когда ученикъ велъ верблюда, другой старецъ, встрѣтившись съ нимъ, сказалъ: если бы я зналъ, братъ, что ты идешь въ Египетъ, то я попросилъ бы тебя привести и для меня другого верблюда. Братъ передалъ это своему старцу. Этотъ, движимый великою любовью, сказалъ ученику: поди, сынъ мой, отведи верблюда къ нему и скажи: мы еще не готовы; исполни нужду твою. Ты же поди съ этимъ верблюдомъ въ Египетъ и снова приведи къ намъ его, чтобъ отвезти и наши сосуды. Братъ поступилъ такъ, какъ было приказано ему, — пошелъ къ другому старцу и сказалъ ему: отецъ мой говоритъ: такъ какъ мы еще не готовы, — возьми верблюда и исполни твою нужду. Старецъ навьючилъ верблюда, и пошелъ въ Египетъ. Тамъ, когда онъ снялъ съ верблюда поклажу, братъ взялъ верблюда, чтобъ опять отвезти его въ Скитъ. Отправляясь въ путь, онъ сказалъ старцу: молись обо мнѣ. Старецъ спросилъ его, куда идетъ онъ. Иду въ Скитъ, отвѣчалъ братъ, чтобы привезти сюда и наши корзины. Старецъ, услышавъ это, пришелъ въ умиленіе, пожалѣлъ о случившемся и сказалъ со слезами: простите меня, сладчайшіе! любовь ваша похитила плодъ у меня.

4. Нѣкоторый старецъ часто подвергался болѣзни. Случалось ему въ теченіе одного года не болѣть; старецъ очень скорбѣлъ объ этомъ и плакалъ, говоря: оставилъ меня Господь мой и не посѣтилъ меня.

5. Въ Фивайдѣ нѣкоторый старецъ безмолствовалъ въ вертепѣ. У него былъ ученикъ подвижникъ. Старецъ имѣлъ обычай по вечерамъ псучать ученика и дѣлать ему душеполезныя наставленія; послѣ наставленія онъ молился и отпускалъ ученика спать. Случилось, что посѣтили ихъ нѣкоторые благочестивые міряне, которымъ было извѣстно великое воздержаніе старца; получивъ отъ него утѣшеніе, они ушли. По отшествіи ихъ, вечеромъ старецъ опять сѣлъ по обычаю и занялся поученіемъ и наставленіемъ брата. Во время бесѣды напалъ на него сонъ, а братъ стоялъ, ожидая, чтобъ старецъ проснулся и сотворилъ по обычаю мо-

литву надъ нимъ. Старець не просыпался. Ученикъ, сидя долго, былъ побѣждаемъ помышленіями потихоньку уйти и лечь спать, но понудилъ себя, противосталь помышленію и остался. Послѣ этого сонъ началъ склонять его, но онъ не ушелъ. До семи разъ повторилось съ нимъ такое колебаніе, но онъ съ твердостію воспротивился ему. По прошествіи уже полуночи проснулся старецъ и, увидѣвъ ученика, сидящимъ близъ себя, сказалъ: отчего ты до сихъ поръ не ушелъ? Ученикъ отвѣчалъ: оттого, отецъ, что ты не отпустилъ меня. Старець: почему ты не разбудилъ меня? Ученикъ: я не осмѣлился толкнуть тебя, чтобъ не обезпокоить тебя. Они встали и начали отправлять утреню: по окончаніи утрени старецъ отпустилъ ученика. Оставшись одинъ, старецъ пришелъ въ изступленіе. И вотъ нѣкто показывается ему мѣсто прославленное, въ немъ тронъ и надъ трономъ семь вѣнцовъ. Старець спросилъ того, кто показывалъ ему это, кому все это принадлежитъ? Тотъ отвѣчалъ: Ученику твоему даровалъ Богъ и мѣсто, и тронъ за его жительство; эти же семь вѣнцовъ онъ заслужилъ въ эту ночь. Услышавъ это, старецъ удивился: весь трепетный, позвалъ онъ ученика и спрашиваетъ его: скажи мнѣ, что сдѣлалъ ты этою ночью? Онъ отвѣчалъ: прости меня, отецъ! я ничего не сдѣлалъ. Старець, думая, что онъ не говоритъ по смиренію, сказалъ: повѣрь, я не успокоюсь, если не скажешь мнѣ, что сдѣлалъ или что помышлялъ ты ночью. Братъ, не зная за собою никакого дѣла, не находилъ, что сказать, и потому отвѣчалъ старцу: прости меня, отецъ! я ничего не сдѣлалъ, развѣ только то, что до семи разъ былъ склоняемъ помышленіями уйти и лечь спать. Старець услышавъ это, тотчасъ понялъ, что ученикъ столько разъ былъ увѣнчанъ Богомъ, сколько разъ противосталь помышленіямъ. Онъ ничего изъ видѣннаго не возвѣстилъ брату, чтобъ не нанести ему вреда, но повѣдалъ это духовнымъ отцамъ. Научимся, что за побѣду и надъ малыми помышленіями Богъ вѣнчаетъ насъ. Благо челоуѣку понуждать себя ради Бога во всякомъ дѣлѣ: «Царство Небесное силою берется, и употребляющіе усиліе, восхищаютъ его» (Мф. 11, 12).

6. Нѣкоторому брату явился діаволь, преобразившись въ Ангела свѣта и сказалъ ему: я Архангелъ Гавріиль, посланъ къ тебѣ. Старець на это отвѣчалъ: смотри! не къ кому ли другому ты посланъ? потому что я недостойнъ того, чтобы посылались ко мнѣ Ангелы. Діаволь тотчасъ исчезъ.

— Старцы говорили: если и поистинѣ явится къ тебѣ Ангель, не прими его легковѣрно, но смирись, говоря: я, живя во грѣхахъ, не достоинъ видѣть Ангеловъ.

7. Въ пустынѣ Никополиса жилъ отшельникъ, а прислуживалъ ему мірянинъ, весьма благочестивый. Въ городѣ жилъ богачъ, утопая во грѣхахъ. Настало время, — умеръ этотъ богачъ; сошелся весь городъ и съ епископомъ своимъ для сопровожденія тѣла, которому предшествовали возженныя свѣчи. Свидѣтелемъ похоронъ былъ, прислуживавшій отшельнику. По обычаю онъ понесъ хлѣбы въ пустыню и нашель, что отшельника съѣлъ звѣрь. Онъ палъ на лице свое предъ Господомъ, говоря: не встану съ земли, доколѣ Богъ не покажетъ мнѣ, что это значить? Одинъ утопавшій во грѣхахъ, похороненъ съ такимъ великолѣпиемъ, другой, служившій Тебѣ и день, и ночь, подвергся такой смерти! И вотъ явился ему Ангель отъ Господа. Ангель сказалъ: грѣшникъ, о которомъ ты говоришь, имѣлъ немного добрыхъ дѣлъ, принадлежавшихъ вѣку сему, и получилъ награду за нихъ здѣсь, но зато тамъ не обрѣлъ никакого упокоенія. Отшельникъ же былъ украшенъ всѣми добродѣтелями, но, какъ человекъ, имѣлъ за собою немного погрѣшностей, и наказаніе за нихъ понесъ здѣсь, чтобъ предстать предъ Богомъ чистымъ. Утѣшенный этими словами, благочестивый мірянинъ пошелъ въ домъ свой, прославляя Бога о судьбахъ его, яко праведны суть.

8. Пришелъ однажды въ Скитъ неизвѣстный важный человекъ. Онъ принесъ съ собою много золота и просилъ настоятеля пустыни раздать золото братіямъ. Пресвитеръ отвѣчалъ: братія не нуждается въ этомъ. Но такъ какъ принесшій былъ очень важная особа и убѣдительно просилъ объ исполненіи его желанія, то пресвитеръ предложилъ ему поставить ящикъ съ златницами при входѣ въ церковь, а братіямъ сказалъ, кому нужно, пусть возьметъ деньги изъ ящика. Никто изъ братій не прикоснулся къ златницамъ, даже никто не взглянулъ на нихъ. Старецъ сказалъ вельможѣ: Богъ принялъ твое приношеніе; поди, раздай златницы нищимъ. Вельможа ушелъ съ большою пользою для души своей.

Авва Пимень говорилъ: блаженъ, кто переноситъ скорби съ благодареніемъ.

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТФЕЯ.

Исцѣленіе Петровой тещи и многихъ больныхъ.

Гл. 8, 14-18.

Христось Спаситель нашъ, не имѣвшій гдѣ главу приклонить находилъ Себѣ упокоеніе въ домахъ близкихъ учениковъ Своихъ и послѣдователей. Въ Капернаумѣ былъ домъ Симона Петра: сюда и пришелъ Онъ въ день субботній послѣ обычной проповѣди въ синагогѣ, вѣроятно для того, чтобы вкусить хлѣба и отдохнуть въ бѣдной хижинѣ любимаго ученика. «Не Петръ приводитъ Его въ домъ, говоритъ св. Златоустъ, но Онъ Самъ произвольно пришелъ, показывая, сколько Онъ благоволилъ къ ученику. Но представь, каковы были дома этихъ рыбаковъ, при всемъ томъ Христось не гнушался входить въ ихъ бѣдныя хижины, чтобы научить тебя во всемъ попирать человѣческую гордость». — И здѣсь встрѣтило Его человѣческое горе: ПРИШЕДЪ ВЪ ДОМЪ ПЕТРОВЪ, ИСУСЪ УВИДѢЛЪ Тещу ЕГО, ЛЕЖАЩУЮ ВЪ ГОРЯЧКѢ. Святой Евангелистъ Лука, какъ врачъ, выражается еще точнѣе: «была одержима сильною горячкою» (Лк. 4, 38), или, по нашему, тифомъ. Онъ же прибавляетъ: «и просили Его о ней»: можетъ быть, она была въ бреду и безпамятствѣ, и не могла сама просить помощи у небснаго Цѣлителя. «И здѣсь, говоритъ св. Златоустъ, замѣтъ Петрово почтеніе къ Нему. Ибо, имѣя тещу, лежащую дома въ сильной горячкѣ, не привелъ Его въ домъ свой, но ожидалъ, пока будетъ окончено ученіе и исцѣлятся всѣ прочіе; и тогда уже, когда Онъ вошелъ въ домъ, началъ просить Его. Такъ онъ съ самаго начала научался предпочитать выгоды друтихъ своимъ». И Господь, желая яснѣе показать Свое расположеніе къ смиренному Апостолу, и тѣмъ крѣпче привязать его къ Себѣ, а вмѣстѣ и его семейству внушить болѣе готовности къ разлукѣ съ Симономъ, — немедленно прошелъ къ постели больной, сталъ надъ нею, И КОСНУЛСЯ РУКИ ЕЯ, или, какъ говоритъ Евангелистъ Маркъ, взялъ и поднялъ ее за руку, запретилъ болѣзни, И ГОРЯЧКА ОСТАВИЛА ЕЕ, — не только прекратилась болѣзнь, но, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, и вполне возвратилось здравіе: И ОНА ВСТАЛА И СЛУЖИЛА ИМЪ, — встала и начала тотчасъ пригото-

лять Господу и ученикамъ Его вечернюю трапезу. «Это было, говоритъ св. Златоустъ, знакомъ силы Христовой и усердія жены, которое она оказывала ко Христу. И здѣсь мы можемъ видѣть, что по вѣрѣ однихъ Христосъ даетъ исцѣленіе другимъ: и здѣсь просили Его за болящую другіе, какъ было и съ отрокомъ сотника».

Ученики Господа уже знали, отъ какихъ дѣлъ Законъ повелѣвалъ удерживаться въ день субботній до захожденія солнца, а потому въ домѣ Симона сѣлойно просили Господа объ исцѣленіи болящей; но простой народъ еще держался фарисейскаго понятія о покоѣ субботнемъ, будто грѣшно въ субботу приносить больныхъ къ Цѣлителю, и потому только при захожденіи солнца, КОГДА ЖЕ НАСТАЛЪ ВЕЧЕРЪ, какъ говоритъ святой Матфей, то есть, когда уже миновали часы субботняго покоя, и повѣяла вечерняя прохлада, болѣе удобная для перенесенія больныхъ по улицамъ города, — пришелъ въ движеніе весь Капернаумъ: и здоровые, и больные — всѣ спѣшили къ дверямъ дома, гдѣ находился Христосъ. Принесли больныхъ, страдавшихъ разными недугами. Были тутъ и бѣсноватые: КЪ НЕМУ ПРИВЕЛИ МНОГИХЪ БѢСНОВАТЫХЪ. И милосердный Господь вышелъ къ страждущимъ изъ дома, И ОНЪ ИЗГНАЛЪ ДУХОВЪ СЛОВОМЪ, и, переходя отъ одного больного къ другому, взирая на каждого изъ нихъ съ безпредѣльной любовью и состраданіемъ, съ словомъ утѣшенія и ободренія возлагалъ Онъ на каждого Свои Божественныя руки, И ИСЦѢЛИЛЪ ВСѢХЪ БОЛЬНЫХЪ. Евангелисты не въ состояніи рассказать о каждомъ чудесномъ исцѣленіи порознь, — то было поистинѣ преизобильное море чудесъ, и святой Евангелистъ Матфей, писавшій свое Евангеліе для вѣрующихъ изъ Евреевъ, «дабы величіе, обиліе и разнообразіе этихъ чудесъ не привело кого-либо въ сомнѣніе или невѣріе: какъ Иисусъ Христосъ могъ въ такое короткое время исцѣлить такое множество людей», — приводитъ пророчество Исаи: **ДА СБУДЕТСЯ РЕЧЕННОЕ ЧРЕЗЪ ПРОРОКА ИСАИЮ, КОТОРЫЙ ГОВОРИТЬ: ОНЪ ВЗЯЛЪ НА СЕБЯ НАШИ НЕМОЩИ, И ПОНЕСЪ БОЛѢЗНИ** (Ис. 53, 4). — Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «Пророкъ не сказалъ: освободилъ, но **взялъ и понесъ**; это, мнѣ кажется, сказалъ болѣе о грѣхахъ, но Евангелистъ хотѣлъ показать, что болѣею частію болѣзни суть слѣдствіе грѣховъ душевныхъ; ибо, если самая смерть, корень и глава болѣзней, имѣетъ

своимъ началомъ грѣхъ, то тѣмъ болѣе многія болѣзни происходятъ отъ грѣха». Иисусъ Христосъ, врачуя больныхъ и немощныхъ, тѣмъ самымъ какъ бы снималъ съ нихъ болѣзни и немощи, воспринимая ихъ на Свои Божественныя рамена. Н е д у г и — тѣлесныя болѣзни — Онъ врачевалъ всемогущею Своею силою, а б о л ѣ з н и — душевныя страсти и муки грѣшной совѣсти, — Своими животворящими заповѣдями и примѣромъ святой жизни Своей. И эти слова Пророка, приведенныя Евангелистомъ Матфеемъ при описаніи первого трудового дня Господа въ Капернаумѣ, равно могутъ быть примѣнены и ко всей Его жизни; всю жизнь Свою Онъ несъ на Себѣ наши немощи и болѣзни: Онъ тужилъ и скорбѣлъ, и страдалъ отъ нихъ до кроваваго пота въ саду Гефсиманскомъ, и, наконецъ, — всѣ ихъ сложилъ на крестѣ! — Такъ ознаменовалъ Господь Свое вступленіе въ Капернаумъ. Христианинъ, подражай, сколько можешь, Его милосердію: не откажись, на примѣръ, сойти въ тѣ сырые, темныя, непривѣтливые углы, гдѣ пріютилась бѣдность безпомощная, гдѣ плачутъ отъ голода и холода дѣти-сироты, гдѣ лежатъ, всѣми забытые, больные бѣдняки, не откажись утѣшить ихъ, подать имъ руку помощи, и вѣрь: твое сердце почувствуетъ, что съ тобой сошелъ туда Христосъ — Божественный Утѣшитель страждущихъ, и ты испытываешь то чувство, какимъ объята были свидѣтели чудесъ Христовыхъ у дома Симона Петра въ Капернаумѣ!..

УВИДѢВЪ ЖЕ ИИСУСЪ ВОКРУГЪ СЕБЯ МНОЖЕСТВО НАРОДА, ВЕЛѢЛЪ ученикамъ Своимъ ОТПЛЫТЬ НА ДРУГУЮ СТОРОНУ — на восточный берегъ озера Галилейскаго. «Видишь, говоритъ св. Златоустъ, какъ Онъ чуждъ тщеславія? Это дѣлалъ Онъ для того, чтобы научить насъ скромности, а вмѣстѣ укротить и іудейскую зависть. Смотри, съ какимъ благоразуміемъ отсылаетъ Онъ народъ, — не сказалъ: удалитесь, но велѣлъ переплыть на другую сторону, обнадеживая, что и Онъ придетъ туда. Такъ любилъ Его народъ и съ такимъ усердіемъ слѣдовалъ за Нимъ! Но не прежде повелѣлъ Онъ ученикамъ отплыть, какъ по исцѣленіи болѣзней».

**Отвѣты Господа гордому книжнику
и смиренному ученику.**

Гл. 8, 19-22.

«Какъ на горѣ Блаженствъ, говоритъ святой Златоустъ,

не только пребывали съ Господомъ тогда, когда Онъ проповѣдывалъ, но и послѣдовали за Нимъ, когда молчалъ, — такъ и въ Капернаумѣ прилѣплялись къ Нему не только тогда, когда Онъ чудодѣйствовалъ, но и когда переставалъ чудодѣйствовать, и отъ самаго лицезрѣнія Его получали пользу. Ибо если Моисей имѣлъ прославленное лице, и Стефанъ лице Ангельское, то представь, каковъ тогда долженъ былъ быть видъ общаго Владыки! Дѣйствительно, многіе изъ любви и удивленія къ Нему, желая всегда наслаждаться Его лицезрѣніемъ, неотступно пребывали при Немъ. Да и кто могъ бы удалиться отъ Творившаго такія чудеса? Кто бы и просто не захотѣлъ взирать на Его лице и уста, изрекающія такія слова? Онъ достоинъ удивленія не по однимъ чудесамъ, но даже и одинъ видъ Его исполненъ былъ великой пріятности, какъ показываетъ это пророкъ: «Ты прекраснѣе сыновъ человѣческихъ» (Пс. 44, 3). Когда же Исаія говорить: «нѣтъ въ Немъ ни вида, ни величія» (53, 2), то говорить онъ это — или о непостижимой и неизглаголанной славѣ Божества, или о томъ, что случилось съ Нимъ во время страданія, о безчестіи, которое претерпѣлъ Онъ во время распятія на крестѣ, или о смиреніи, которое являлъ во всемъ, въ продолженіи цѣлой жизни».

Но не всѣ желали быть около Спасителя съ одинаковымъ расположеніемъ сердца. Святой Евангелистъ приводитъ этому примѣры. ТОГДА ОДИНЪ КНИЖНИКЪ ПОДОШЕДЪ, рабъ богатства и человѣкъ надменный, какъ выражается св. Златоустъ, СКАЗАЛЪ ЕМУ: УЧИТЕЛЬ Я ПОЙДУ ЗА Тобою, КУДА БЫ ТЫ НИ ПОШЕЛЪ. Гордый книжникъ воображалъ, что Иисусъ Христосъ будетъ радъ такому почтенному и ученому человѣку, какимъ считалъ себя книжникъ. «Видишь ли, какова гордость? говоритъ Златоустъ. Онъ считаетъ для себя низкимъ быть между простымъ народомъ, и вотъ, показывая, что онъ гораздо выше черни, съ такими мыслями приступаетъ къ Иисусу». — «Въ самой дерзости книжника, говоритъ св. Афанасій Александрійскій, можно видѣть признакъ его опрометчивости и невѣжества: итти во слѣдъ Спасителя, чтобы слушать Его ученіе, это для человѣка еще возможное дѣло; но послѣдовать за Нимъ в с ю д у, невозможно и дерзко для дающаго такое обѣщаніе: невозможно для насъ всюду сопутствовать Вездѣсущему, потому что Онъ безпредѣленъ, а мы ограничены». — «Впрочемъ, замѣчаетъ св. Златоустъ, Господь не осудилъ его за неумѣстную дерзость, научая насъ тому, чтобы мы терпѣли

и таковыхъ. Вотъ почему Онъ не обличаетъ явно тѣхъ, кои имѣли злыя намѣренія, но Свои отвѣты направляетъ противъ ихъ мысли, предоставляя имъ однимъ видѣть обличеніе, и доставляя имъ двоякую пользу: во первыхъ тѣмъ, что показывалъ въ Себѣ знаніе сокровеннаго въ совѣсти; во вторыхъ тѣмъ, что, не смотря на это сердцевѣдніе, попускалъ скрывать ихъ намѣренія, давалъ имъ возможность исправиться, если только захотятъ. Точно такъ же поступилъ Онъ и съ этимъ книжникомъ. Видя многія знаменія, книжникъ надѣялся обогатиться отъ таковыхъ чудесъ; а посему и желалъ слѣдовать за Христомъ. Это видно изъ отвѣта, какой ему даетъ Христосъ, сообразуясь не съ словами вопроса, а съ мыслию вопрошающаго». И ГОВОРИТЬ ЕМУ ІИСУСЪ: ЛИСИЦЫ ИМѢЮТЪ НОРЫ И ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЯ ГНѢЗДА: А СЫНЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ НЕ ИМѢЕТЪ, ГДѢ ПРИКЛОНИТЬ ГОЛОВУ, не имѣетъ мѣста, которое могъ бы назвать собственнымъ. «Для чего ты, слѣдуя за Мною, надѣешься собирать деньги? Неужели не видишь, что у Меня нѣтъ жилища даже и такого, какое имѣютъ птицы?.. Я желаю, чтобы и послѣдователи Мои были такими же, должны быть готовы ко всякимъ лишеніямъ, не ждать веселыхъ дней, славы и богатства». — «Примѣть, говоритъ Златоустъ, какую кротость показываетъ Онъ; не сказалъ: хотя Я имѣю, но презираю; но сказалъ: не имѣю. Видишь ли, сколь великую имѣлъ Онъ осмотрительность и вмѣстѣ снисходительность? И это сказалъ не для того, чтобы отдалить его отъ Себя, но чтобы обличить его худое намѣреніе и подать случай слѣдовать за Собою съ таковою надеждою, если захочетъ». — «Книжникъ понялъ, что онъ разгаданъ, и обманувшись въ цѣли, замолчалъ». «Господь, говоритъ св. Исидоръ Пелусіотъ, удалилъ этого книжника отъ сопребыванія съ Собою, чтобы его упорство въ злонравіи не сдѣлалось причиною соблазна для вѣрующихъ, чтобы они, смотря на этого человѣка, не стали осуждать Владычнюю силу въ немощи, какъ невозможную обратить его къ добродѣтели». — «Подобнымъ образомъ часто поступалъ Христосъ и въ другихъ случаяхъ. Хотя явно не обличалъ Онъ, но отвѣтомъ показывалъ мысль къ Нему приходившихъ». Блаженный Феофилактъ и Евфимій Зигабенъ даютъ еще такой смыслъ словамъ Господа: «лукавые демоны страстей живутъ въ тебѣ, имѣютъ въ тебѣ, въ твоёмъ сердцѣ, норы и гнѣзда; поэтому Я не нахожу и самага краткаго пребыванія въ душѣ твоей».

Здѣсь въ первый разъ въ Евангеліи встрѣчается сми-

ренное имя «Сына Человѣческаго», какъ любилъ называть Себя Христось Спаситель. Сынъ Человѣскій значить тоже, что человѣкъ вообще. А евреямъ, это смиренное имя напоминало видѣніе пророка Даниїла: пророкъ видѣлъ, какъ «съ облаками небесными шель какъ-бы Сынъ Человѣскій, дошелъ до Ветхаго днями и подведенъ былъ къ Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы всѣ народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вѣчное, которое не пройдетъ, и царство Его не разрушится» (Дан. 7, 13-14). Ясно, что тутъ пророкъ изображаетъ Христа Спасителя, о Которомъ и Апостоль говорить, что Онъ, «будучи образомъ Божиимъ, сдѣлался подобнымъ человѣкамъ и по виду сталъ какъ человѣкъ» (Филип. 2, 6-7), кромѣ грѣха. Христось Спаситель именуется Сыномъ Божиимъ потому, что Онъ — едино съ Богомъ Отцемъ по Своему Божеству; Онъ же именуется Сыномъ Человѣческимъ потому, что Онъ — едино съ нами по человѣчеству. Онъ любилъ называть Себя Сыномъ Человѣческимъ потому, что любить людей какъ братьевъ; этимъ наименованіемъ Онъ желалъ показать Свою особенную близость къ людямъ, родство съ ними по природѣ человѣческой. Какъ трогательно для сердца вѣрующаго это смиренное Его къ намъ снисхождение! Не потому ли и стремились къ Нему такъ простыя, добрыя сердца даже тѣхъ, которые еще не могли сразу поврать земныя привязанности?

Вотъ святой Евангелистъ приводитъ примѣръ такой колеблющейся доброй души: ДРУГОЙ ЖЕ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ ЕГО — уже бывшій отчасти ученикомъ Его — СКАЗАЛЪ ЕМУ: ГОСПОДИ, ПОЗВОЛЬ МНѢ ПРЕЖДЕ, чѣмъ сдѣлаюсь постояннымъ, неотлучнымъ ученикомъ Твоимъ, ПОЙТИ И ПОХОРОНИТЬ ОТЦА МОЕГО, исполнить священную обязанность сына — отдать послѣдній долгъ отцу. «Видишь ли различіе? говоритъ св. Златоустъ. Тотъ безстыдно говоритъ: «пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошелъ», а этотъ, даже и спрашивая позволеніе на благочестивое дѣло, говоритъ: «позволь мнѣ». Впрочемъ Христось не позволилъ и этого: **НО ИСУСЪ СКАЗАЛЪ ЕМУ: ИДИ ЗА МНОЮ, И ПРЕДОСТАВЪ МЕРТВЫМЪ** душею — оставь тѣхъ, которые глухи къ Моему слову, къ Моему дѣлу, которые не разумѣютъ его, не вѣрують въ Меня, и потому мертвы по грѣхамъ своимъ, — представь имъ **ПОГРЕБАТЬ СВОИХЪ МЕРТВЕЦОВЪ** — то есть, тѣлесно умершихъ. Видѣлъ Сердцевѣдецъ Господь, что житейскія заботы совсѣмъ отвлекутъ отъ дѣла Божія этого.

колеблющагося человѣка, который юднако уже слѣдовалъ за Нимъ, и потому не дозволилъ ему увлекаться такими заботами. «И безъ него было кому погребать мертвеца, говорить Златоустъ: умершій не остался бы непогребеннымъ; между тѣмъ ему не должно было удаляться отъ дѣла, болѣе необходимаго. Не напрасно сказалъ Господь: «своихъ мертвецовъ», это показываетъ, что умершій, по моему мнѣнiю, былъ изъ числа невѣровавшихъ. Но скажетъ кто-либо: не быть при погребенiи отца не было ли знакомъ крайней неблагодарности? — Если бы онъ сдѣлалъ это по лѣности, то конечно оказался бы неблагодарнымъ; но если онъ сдѣлалъ это для того, чтобы не прервать болѣе необходимаго дѣла, то въ такомъ случаѣ онъ поступилъ ючень благо разумно. Конечно, Иисусъ запретилъ ему не потому, чтобы повелѣвалъ не воздавать почтенiя родителямъ, — но для того, дабы показать, что нѣтъ для насъ ничего необходимѣе небеснаго, что отнюдь не должно отлагать заботу о небесномъ, хотя бы отвлекали отъ того и самыя нужныя и неминуемыя дѣла. Въ самомъ дѣлѣ: что можетъ быть необходимѣе погребенiя отца? И что легче этого? На это потребно было и времени немного. Если же и на столько времени, сколько нужно для погребенiя отца, не безопасно оставлять духовные предметы: то представь, чего будемъ достойны мы, которые всегда оставляемъ дѣла христіанскія, и самое маловажное предпочитаемъ необходимому? Далѣе: мудрости ученiя Спасителя должно удивляться и потому, что Онъ сильно привлекъ къ Себѣ юношу словомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ освободилъ его отъ множества золь: отъ рыданiй, плача и всего, что происходитъ при томъ. Ибо послѣ погребенiя нужно было разсматривать завѣщанiя, раздѣленiе наслѣдства и подобное; и такимъ образомъ однѣ волны, унося его отъ другихъ, весьма далеко увлекли бы его отъ пристанища истины. Вотъ почему Христосъ влечетъ его къ Себѣ». — Если же Христосъ не позволилъ ему даже на короткое время оставить Своего ученiя, то какого наказанiя будемъ достойны мы, отступающіе отъ Его заповѣдей во всякое время?!...

Укрощеніе бури.

Гл. 8, 23-26.

«Гдѣ являлись одни только чудеса, говоритъ святой Златоустъ, тамъ Господь позволялъ быть и народу; но гдѣ

предстояли искушенія и ужасы, тамъ имѣлъ при Себѣ только подвижниковъ вселенной» — Своихъ Апостоловъ. Какъ мудрый воспитатель дѣтей, Онъ мало-по-малу приучалъ ихъ къ трудамъ и опасностямъ ихъ будущаго служенія, къ упованію на Его любовь и всемогущество и къ смиренію въ почетахъ. — Былъ уже вечеръ, когда Онъ отпустилъ народъ, слушавшій Его Божественныя притчи, преподавъ ему Божіе благословеніе и наставленія. И КОГДА ВОШЕЛЪ ОНЪ ВЪ ЛОДКУ, чтобы отплыть на восточный берегъ моря Галилейскаго, ЗА НИМЪ ПОСЛѢДОВАЛИ УЧЕНИКИ ЕГО, — не одни только Апостолы, но вообще ученики, которые были ближе къ Нему, чѣмъ множество народа. Апостолы вошли въ одну лодку съ Господомъ; другіе поплыли на своихъ лодкахъ, какъ говоритъ святой Маркъ: «съ Нимъ были и другія лодки». Настала темная южная ночь. И ВОТЪ, СДѢЛЛОСЬ ВЕЛИКОЕ ВОЛНЕНІЕ НА МОРЬ: неожиданно поднялась одна изъ тѣхъ страшныхъ бурь, которыя такъ обыкновенны на этомъ озерѣ, окруженномъ ущельями горъ. Опасность была страшная, лодку постоянно перебрасывало и заливало: ТАКЪ ЧТО ЛОДКА ПОКРЫВАЛАСЬ ВОЛНАМИ. А Господь, утомленный трудами протекшаго дня, склонилъ Свою усталую главу къ кожанному возглавію на кормѣ лодки и спокойно заснулъ: А ОНЪ СПАЛЪ. Своимъ примѣромъ Онъ хотѣлъ теперь показать, что и во время опасности можно быть совершенно спокойнымъ, когда совѣсть мирна и чиста. Правда, и Иона пророкъ заснулъ посреди такой же опасности, но — отъ помраченной совѣсти, отъ духа унынія и тоски, которыя овладѣли имъ: а Спаситель заснулъ съ чистою совѣстью; Иона своимъ присутствіемъ навлекалъ бѣду, — присутствіе Иисуса Христа служило залогомъ и ручательствомъ спасенія отъ опасности. Но ученики этого не разумѣли. Для нихъ въ этомъ спокойномъ снѣ Господа и Учителя ихъ готовилось испытаніе ихъ вѣры — «образъ искушеній, которыя ихъ ожидали въ будущемъ, такъ какъ впослѣдствіи Господь часто попускалъ имъ впадать въ жесточайшія бѣдствія, и чрезъ то укрѣплялъ духъ ихъ. Если бы буря случилась во время Его бодрствованія, то они или не утрашили бы, или не стали бы Его просить, или не подумали бы, что Онъ можетъ совершить такое чудо. Посему Онъ предался сну, дабы дать имъ время подвергнуться страху», познать свою немощь, а чрезъ то навсегда запечатлѣть это чудо въ своей памяти, научить ихъ мужеству среди опасностей, и чрезъ избавленіе отъ опасности дать имъ силь-

нѣ почувствовать Его благодѣяніе.—Итакъ, лодка, бывшая вѣроятно уже посрединѣ озера, стала наполняться водою и тонуть. Искусство опытныхъ рыбарей не помогало; вѣра учениковъ ослабѣла, и они рѣшились наконецъ разбудить своего Божественнаго Учителя и Господа. ТОГДА УЧЕНИКИ ЕГО, ПОДОШЕДШИ КЪ НЕМУ, РАЗБУДИЛИ ЕГО И СКАЗАЛИ: «Учитель! Неужели Тебѣ нужды нѣтъ, что мы погибаемъ?» (Мр. 4, 38)—неужели Ты не заботишься, что мы погибаемъ? «Наставникъ, Наставникъ, погибаемъ!» (Лк. 8, 24). ГОСПОДИ, СПАСИ НАСЪ, ПОГИБАЕМЪ! Сколько страха слышится въ этихъ тревожныхъ возгласахъ! Но въ нихъ же слышится и борющаяся со страхомъ надежда на могущество Господа. «Хотя они, говоритъ св. Златоустъ, были увѣрены въ томъ, что Онъ вставши можетъ укротить бурю; но что можетъ сдѣлать это и во время сна — въ этомъ не были увѣрены». И Господь пробудился отъ сна, съ упрекомъ любви Онъ успокоиваетъ волненіе ихъ душъ: И ГОВОРИТЬ ИМЪ: ЧТО ВЫ ТАКЪ БОЯЗЛИВЫ, МАЛОВѢРНЫЕ? «Гдѣ вѣра ваша?» (Лк. 8, 25). Какъ это могли вы подумать, что можетъ погибнуть Тотъ, Кто творитъ предъ вами столько чудесъ? Если же Онъ не погибнетъ, то нечего бояться и вамъ. Сынъ Божій съ вами, и съ Нимъ вы всюду безопасны». Не называетъ ихъ невѣрными, а маловѣрными, потому что, когда сказали: «Господи, спаси насъ», они показали этимъ свою вѣру, но слово — «погибаемъ» — уже не было отъ вѣры».

Такъ маловѣріе привлекаетъ опасности и страхъ помрачаетъ вѣру даже избранныхъ. Что же сказать о нашей слабой вѣрѣ? Не относится ли этотъ упрекъ Господа въ маловѣріи особенно къ намъ грѣшнымъ? И мы плывемъ по бурному морю житейскому; и насъ обуреваютъ волны искушеній и напастей всяческихъ: не знаешь какъ и откуда налетитъ бѣда... Отчего это? «Оттого, что въ сердцѣ твоёмъ вѣра Иисусова дремлетъ. Когда пробуждается въ тебѣ вѣра, тогда и среди бурныхъ треволненій вода не зальетъ твоего корабля, твоя вѣра будетъ повелѣвать вѣтрами и волнами, и опасность минуетъ» (Блаженный Августинъ). Господь обѣщалъ пребывать съ вѣрующими до скончанія вѣка; Онъ съ нами и около насъ: а если такъ, то чего же намъ бояться? Онъ не попуститъ искушеній выше силъ нашихъ: зачѣмъ же мы забываемъ это? Неужели думаемъ, что Онъ—спитъ, забылъ насъ, оставилъ?.. О, какъ же слаба наша вѣра въ Него! Не слышишь ли гласъ Его: «что вы такъ боязливы, маловѣрные? Се, Я съ вами». Воззовемъ же къ Нему изъ глубины сердца и Онъ услышитъ

насть, какъ услышалъ Онъ вопли Апостоловъ, и речеть властное слово Свое, и настанеть въ смущенной душѣ тишина велия... ПОТОМЪ ВСТАВЪ, повѣствуетъ святой Матфей, поднялся Онъ на возвышеніи кормы, и единымъ всемогущимъ словомъ Своимъ: «умолкни, перестань!» — ЗАПРЕТИЛЪ ВѢТРАМЪ возмущать море И МОРИЮ, которое не вдругъ могло само собою успокоиться, повелѣлъ утихнуть. И, къ изумленію Апостоловъ, къ изумленію всѣхъ прочихъ свидѣтелей чуда, СДѢЛАЛОСЬ ВЕЛИКАЯ ТИШИНА... «И Моисей нѣкогда сотворилъ подобное чудо, говорить св. Златоустъ, но Моисей чудодѣйствовалъ какъ рабъ, а Иисусъ Христосъ — какъ Господь. Христосъ не простиралъ жезла, подобно Моисею, не воздѣвалъ рукъ къ небу, не имѣлъ нужды въ молитвѣ; но какъ Господь, повелѣвающій рабу, и Творецъ — твари, единымъ словомъ и повелѣніемъ Онъ укротилъ и усмирилъ море, и буря совершенно утихла, такъ что не осталось никакого слѣда волненія. И что было сказано о величій Отца Его, то Онъ опять явилъ въ дѣлахъ Своихъ. «Онъ речеть», — говоритъ пророкъ объ Отцѣ — «и возстаетъ бурный вѣтеръ» (Пс. 106, 25); такъ и здѣсь говорится: сказалъ, «и сдѣлалась великая тишина». Посему-то особенно и удивлялись Ему люди, которые не удивились бы такъ, когда бы Онъ поступилъ подобно Моисею». ЛЮДИ ЖЕ, — можетъ быть тѣ, которые плыли на другихъ лодкахъ, сопровождавшихъ лодку Господа Иисуса, или всѣ, которые находились съ Нимъ въ лодкѣ, — УДИВЛЯЯСЬ — съ удивленіемъ стали боязливо переговариваться между собою, ГОВОРИЛИ: КТО ЭТОТЪ, что за всемогущее такое Лицо, ЧТО И ВѢТРЫ И МОРЕ ПОВИНУЮТСЯ ЕМУ? — что повелѣваетъ стихіями и силами даже неразумной природы? «Сонъ и образъ человѣческой показывали въ Немъ Человѣка, а море и тишина являли въ Немъ Бога», говорить св. Златоустъ.

Церковь Христова подобна кораблю, на которомъ кормчій — Самъ Христосъ, а мачта — Его спасительный крестъ. Сколько разъ грозныя волны еретическихъ лжеученій обуревали этотъ духовный корабль! Бывали времена, когда, казалось, Церковь Православная готова была погибнуть среди этихъ бурныхъ волнъ, и однако же Она оставалась невредимою подъ водительствомъ своего небеснаго Кормчаго — Господа Иисуса! Блаженъ, кто не покидаетъ сего корабля Божія: онъ несомнѣнно достигнетъ на немъ тихой пристани царства небеснаго.

Исцѣленіе двухъ бѣсноватыхъ въ странѣ Гергесинской.

Гл. 8, 28-34.

Укрощеніемъ бури Господь показалъ Свою Божественную власть надъ видимой природою, а изгнаніемъ легіона бѣсовъ изъ человѣка Онъ явилъ эту власть надъ всею невидимою адскою силою злыхъ духовъ. Это чудо совершилъ Онъ на восточномъ берегу моря Галилейскаго, въ странѣ Гергесинской, какъ пишетъ святой Евангелистъ Матфей, или Гадаринской, какъ повѣствуютъ святые Евангелисты Маркъ и Лука. Такъ называлась эта страна по именамъ двухъ городовъ: Гергесы, развалины которой находятся почти противъ Капернаума, и Гадары, которая была дальше на югъ, при потокѣ Іеромаксъ или Іавокъ. Множество гробницъ-пещеръ и теперь видно въ дикихъ ущельяхъ пустынныхъ горъ Галаадскихъ, подступающихъ крутыми обрывами къ самому берегу озера Галилейскаго. Въ этихъ мрачныхъ, нерѣдко обширныхъ пещерахъ укрывались и разбойники, которыхъ всегда было много въ Палестинѣ, и разные сумасшедшіе и бѣсноватые, для которыхъ было несносно общество людское. Въ эту страну, населенную тогда большею частію язычниками, и прибылъ Господь съ наступленіемъ утра послѣ украшенія бури. Страшная была эта буря на морѣ; но еще болѣе ужасное зрѣлище человѣческихъ страданій ожидало милосердаго Человѣколюбца съ Его учениками въ этой странѣ.

И КОГДА ОНЪ ПРИБЫЛЪ НА ДРУГОЙ БЕРЕГЪ, лишь только Онъ вступилъ на противоположный отъ Капернаума берегъ моря, ВЪ СТРАНУ ГЕРГЕСИНСКУЮ, ЕГО ВСТРѢТИЛИ — сами вышли на встрѣчу Ему, влекомые невидимою силою Божіей ДВА БЕСНОВАТЫЕ, ВЫШЕДШІЕ ИЗЪ ГРОБОВЪ — изъ погребальныхъ пещеръ. Издревле было заблужденіе, будто души грѣшниковъ по смерти бываютъ бѣсами; и теперь нѣкоторые невѣжды вѣрятъ рассказамъ о тѣняхъ мертвецовъ, о выходцахъ съ того свѣта; чтобы укрѣпить въ умахъ людей это суевѣріе, бѣсы принуждали несчастныхъ бѣсноватыхъ жить въ гробахъ, то есть въ пещерахъ, гдѣ погребали умершихъ, тѣмъ болѣе, что такія мѣста обыкновенно считались нечистыми. Бѣсноватые, вышедшіе на встрѣчу Господу, были, какъ говоритъ Евангелистъ, **ВЕСЬМА СВИРѢПЫЕ, ТАКЪ — ЧТО НИКТО НЕ СМѢЛЪ ПРОХОДИТЬ** — нельзя было никому безопасно проходить **ТѢМЪ ПУТЕМЪ**. Особенно былъ лютъ одинъ изъ нихъ, человѣкъ

извѣстный въ городкѣ Гергесѣ, такъ что святые Евангелисты Маркъ и Лука, дабы нагляднѣе представить чрезвычайныя страданія этого бѣсноватаго и великую чудодѣйственную силу Господа Иисуса, — только объ одномъ этомъ бѣсноватомъ и рассказываютъ въ своихъ Евангеліяхъ, вовсе не упоминая о другомъ*). Они говорятъ, что этотъ несчастный одежды не носилъ, что онъ часто и закованный въ желѣзо съ страшной силою разрывалъ цѣпи и разбивалъ оковы на рукахъ и ногахъ, что никто не могъ укротить его; и день и ночь проводилъ онъ въ гробницахъ и въ горныхъ ущельяхъ, и такъ одичалъ, такъ освирипѣлъ, что, гонимый бѣсомъ по пустынѣ, неистово кричалъ и уродовалъ свое тѣло, ударяясь о камни. Увидѣвъ Иисуса Христа издалека, онъ побѣжалъ къ Нему, вскричалъ, палъ предъ Нимъ и громкимъ голосомъ сказалъ: «Что Тебѣ до меня, Иисусъ, Сынъ Бога Всевышняго? Умоляю Тебя, заклинаю Тебя Богомъ, не мучь меня!» (Мр. 5, 3-9; Лк. 8, 27-30). Чтобы успокоить страдальца, помочь ему притти въ сознание, собраться съ мыслями, Господь спросилъ бѣсноватаго: «какъ тебѣ имя?» Но сила зла такъ овладѣла всѣмъ существомъ несчастнаго, что онъ не могъ припомнить своего настоящаго имени, а бѣсы, въ трепетѣ предъ всемогущею силою Господа, какъ бы желая ободрить себя своею многочисленностью, отвѣчали устами бѣсноватаго: «легіонъ имя мнѣ, потому что насъ много» **). Святой Матфей говоритъ объ исцѣленіи обоихъ бѣсноватыхъ, и потому опускаетъ эти подробности. — И ВОТЪ, говоритъ онъ, — ОНИ ЗАКРИЧАЛИ: ЧТО ТЕБѢ ДО НАСЪ, ИСУСЪ, СЫНЪ БОЖІЙ? Что Ты хочешь дѣлать съ нами? Какое Тебѣ дѣло до насъ?

Могли ли такъ взывать къ неизвѣстному Страннику, Котораго въ первый разъ видѣли, люди, жившіе въ языческой странѣ? Могли ли они отъ себя называть Его по имени, да еще Сыномъ Божиимъ? Къ тому же они были внѣ ума... Ясно, что устами ихъ взывали злые духи, о которыхъ слово Божіе говоритъ, что они «вѣрують и трепещуть» (Іак. 2, 19), ко-

*) Св. Златоустъ говоритъ: «что Лука и Маркъ упоминаютъ объ одномъ бѣснующемся, а Матфей о двухъ — это не показываетъ между ними разногласія. Тогда бы только было разногласіе, когда бы Лука и Маркъ сказали, что другого бѣсноватаго не было вовсе. Мнѣ кажется, Лука упомянулъ о томъ только, который былъ лютейшимъ изъ нихъ».

***) Легіономъ назывался отрядъ римскаго войска отъ 6000 до 10000 человекъ; бѣсы хотятъ сказать, что ихъ очень много, что они составляютъ силу великую... Но эта сила тутъ же и трепещетъ отъ силы Христовой..

торые предчувствовали, что Господь изгонить ихъ изъ людей, но были связаны Божіимъ повелѣніемъ — не увлекать несчастныхъ страдальцевъ въ пустыню, а встрѣтить Господа на берегу моря. И вотъ «тогда какъ люди почитали Его за человѣка, бѣсы, какъ говоритъ св. Златоустъ, пришли исповѣдать Его Божество, и тѣ, которые еще оставались невнимательными при укрощеніи бури на морѣ, услышали теперь демоновъ, взывавшихъ о томъ, о чемъ возвѣщало море своею тишиною». Не благоговѣніе предъ Господомъ заставляло бѣсовъ называть Его Сыномъ Божіимъ, — для нихъ нестерпимымъ мученіемъ было самое присутствіе Христа: «будучи пронзаемы, воспламеняемы, они невидимо наказывались и обуревались сильнѣе моря», какъ выражается Златоустъ. И устами обуреваемыхъ ими людей они «исповѣдуютъ свою вражду, какъ говоритъ тотъ же святитель, — не могутъ сказать, что они не согрѣшили, признаютъ, что для нихъ настанетъ время страшнаго суда и осужденія на вѣчныя муки, и только какъ бы упрекаютъ Господа Иисуса», жалуются, что Онъ прежде времени отнимаетъ у нихъ власть мучить людей, и тѣмъ самымъ ихъ подвергаетъ мученію; ПРИШЕЛЪ ТЫ СЮДА ПРЕЖДЕ ВРЕМЕНИ МУЧИТЬ НАСЪ!.. «Бѣсы умоляли Его, говоритъ Златоустъ, и заклинали не свергать ихъ въ бездну. Они думали, что теперь настало время ихъ вѣчнаго наказанія. Поелику Спаситель засталъ ихъ дѣлающими нестерпимыя лютости и злодѣянія, когда они мучили Его твореніе, то и думали, что Онъ не будетъ отлагать времени наказанія. Такимъ образомъ тѣ, коихъ не могли удержать и узы желѣзныя, приходятъ связанные; тѣ, кои бѣгали по горамъ, выходятъ на поле; тѣ, кои другимъ преграждали путь, останавливаются, увидѣвъ Преграждающаго имъ самимъ путь». — Святой Маркъ повѣствуетъ, что «много просили Его, чтобы не высылалъ ихъ вонъ изъ страны той» (5, 10) — изъ страны Гергесинской, гдѣ жили язычники, и потому бѣсы имѣли тамъ большую власть надъ людьми. А святой Лука говоритъ, что бѣсы умоляли Господа, чтобы не приказывалъ имъ итти въ бездну, въ глубины мрачнаго ада, въ темницу духовъ, гдѣ уготованы имъ вѣчныя муки. Изъ этого видно, какъ страшны муки адскія, если сами бѣсы страшатся ихъ. — Эти мольбы, эти жалобы и упреки бѣсовъ, что Господь пришелъ мучить ихъ, сами собою обличали нелѣпую хулу фарисеевъ, будто Господь изгонялъ бѣсовъ силою князя бѣсовскаго.

ВДАЛИ ОТЪ НИХЪ — отъ бѣсноватыхъ — ПАСЛОСЬ

БОЛЬШОЕ СТАДО СВИНЕЙ. Законъ Моисеевъ строго запрещалъ Евреямъ держать свиней, какъ животныхъ нечистыхъ. Вѣроятно это стадо принадлежало язычникамъ — Гергесинцамъ; а можетъ быть Евреи держали стадо вопреки Закону для торговли съ язычниками, доставляя на примѣръ мясо свиное для прокормленія римскихъ легионовъ. И **БѢСЫ ПРОСИЛИ ЕГО: ЕСЛИ ВЫГОНИШЬ НАСЪ, ТО ПОШЛИ НАСЪ ВЪ СТАДО СВИНЕЙ.** Если запрещаешь мучить людей, то позволь по крайней мѣрѣ мучить свиней. Для бѣсовъ невыразимое страданіе уже въ томъ, что не могутъ безъ позволенія Божія никому вредить. И **ОНЪ СКАЗАЛЪ ИМЪ: ИДИТЕ.** Для чего Христосъ исполнилъ прошеніе демоновъ? вопрошаетъ св. Златоустъ и отвѣтствуетъ: «Онъ сдѣлалъ это не потому, чтобы убѣжденъ былъ ими, но по многимъ премудрымъ цѣлямъ. Во первыхъ для того, чтобы освобожденнымъ отъ нихъ показать, какъ великъ вредъ, причиняемый сими мучителями; во вторыхъ для того, чтобы всѣхъ вразумить, что бѣсы безъ Его позволенія не смѣютъ прикасаться даже и къ свиніямъ; въ третьихъ для того, чтобы дать понять, что бѣсы гораздо жесточе, нежели съ свиніями, поступили бы съ людьми, если бы сіи въ такомъ несчастіи не удостоивались великаго промысленія Божія, потому что всякому извѣстно, что бѣсы ненавидятъ насъ болѣе, нежели безсловесныхъ животныхъ. Въ четвертыхъ для того, чтобы погибель свиней убѣдила всѣхъ, что бѣсы вышли». Итакъ, бѣсы, гонимые силою Христовою вышли изъ одержимыхъ ими людей: И **ОНИ ВЫШЕДШИ ПОШЛИ ВЪ СТАДО СВИНОЕ.** И **ВОТЪ** — въ ту же минуту — съ яростію бѣшенства **ВСЕ СТАДО СВИНЕЙ БРОСИЛОСЬ,** — а ихъ было до двухъ тысячъ, какъ пишетъ святой Маркъ, — **СЪ КРУТИЗНЫ** — по крутому спуску — **ВЪ МОРЕ, И ПОГИБЛО ВЪ ВОДѢ.** Таково зло въ своей природѣ: оно коварствуетъ и разрушаетъ само себя; безумное, слѣпое и самоубійственное, оно можетъ только губить и скорѣе гибнетъ само въ общемъ разрушеніи, къ которому стремится. Злые духи тьмы, въ ожесточенной ненависти противъ Царя свѣта — Христа, захотѣли въ людяхъ возбудить противъ Него негодованіе! «Погубленіемъ свиней, говоритъ блаженный Феофилактъ, демоны хотѣли огорчить ихъ хозяевъ, чтобы они не приняли Христа». — «Итакъ, если бѣсы не пощадили свиней, говоритъ Златоустъ, то тѣмъ болѣе сдѣлали бы это съ людьми, если бы провидѣніе Божіе не обуздывало ихъ».

Но для чего Господь попустилъ погибнуть свиніямъ? —

Для того же, для чего и теперь Онъ попускаетъ падежь скота, наводненія, градъ, пожары и другія бѣды; для того, чтобы вразумить людей, что душа человѣка несравненно выше тысячи стадъ свиней, а человѣкъ, заботясь о свиняхъ, часто забываетъ вовсе о своей душѣ. Лишеніемъ свиней Онъ какъ бы такъ говорилъ Гергесинцамъ: вы служите своимъ страстямъ, угождаете своей плоти, какъ свинямъ; смотрите, чѣмъ можетъ кончиться это ваше служеніе плоти: бѣсы, которые овладѣли вашими душами, доведутъ и васъ до гибели, какъ этихъ свиней. — «Бѣсы стараются привести людей въ отчаяніе, говоритъ Златоустъ, и увеселяются ихъ погибелію. Такъ діаволь поступилъ и съ Ювомъ, но Богъ прославилъ раба Своего и все обратилъ на главу діавола». Наконецъ, Господь попустилъ бѣсамъ погубить нечистыхъ животныхъ еще и для того, чтобы обличить саддукеевъ, которые конечно должны были услышать объ этомъ чудѣ: они не вѣрили, что есть духи невидимые, — чудо надъ бѣсноватыми показало, что эти духи существуютъ: иначе — кто же заставилъ двѣ тысячи свиней броситься въ море?... — «Достойно замѣчанія, говоритъ Златоустъ, что гдѣ имя Господа было извѣстно, тамъ Онъ не очень много показывалъ Себя; но гдѣ никто не зналъ Его, тамъ Онъ совершалъ славныя чудеса, дабы привлечь людей къ познанію Его Божества». — Но что жители Гергесинской страны недостойны были такихъ чудесъ, это видно изъ послѣдующей исторіи. ПАСТУХИ ЖЕ — пасущіе свиней, — говоритъ Евангелистъ, — ПОБѢЖАЛИ: если это были евреи, то они испугались, какъ бы Господь не наказалъ и ихъ самихъ за явное нарушеніе Закона Моисеева, а если язычники, то какъ имъ было отвѣчать предъ хозяевами свиней? И ПРИШЕДШЕ ВЪ ГОРОДЪ, РАЗСКАЗАЛИ ОБО ВСЕМЪ, И О ТОМЪ, ЧТО БЫЛО СЪ БѢСНОВАТЫМИ, рассказали въ Гергесѣ, что прибылъ изъ Галилеи на лодкѣ неизвѣстный Человѣкъ, что Онъ исцѣлилъ бѣсноватыхъ, что тотчасъ послѣ того все ихъ стадо бросилось въ море и потонуло.

И ВОТЪ, ВЕСЬ ГОРОДЪ, ОТЪ МАЛА ДО ВЕЛИКА, ВЫШЕЛЪ НА ВСТРѢЧУ ИСУСУ: — И какъ было не выйти посмотрѣть на такого Чудотворца? Но если бы не погибли ихъ свиньи, то можетъ быть и не вышли бы... Другіе Евангелисты говорятъ, что Гергесинцы увидѣли бѣсноватаго, а можетъ быть и обоихъ исцѣленныхъ, у ногъ Иисуса Христа: они были уже одѣты, въ здоровомъ умѣ и слушали кротко слово Христово. Можно было ожидать, что пораженные чу-

домъ Гегесинцы будутъ просить Господа Иисуса остаться у нихъ, какъ просили потомъ благоразумные Самаряне, исцѣлить другихъ больныхъ, научить ихъ вѣрѣ истинной: вмѣсто того они просили объ одномъ, чтобы Чудотворецъ скорѣе покинулъ ихъ... И, УВИДѢВШИ ЕГО, ПРОСИЛИ, ЧТОБЫ ОНЪ ОТОШЕЛЪ ОТЪ ПРЕДѢЛОВЪ ИХЪ. Не радовались они даже исцѣленію бѣсноватыхъ: имъ было жаль своихъ свиней. «Познай изъ сего, говоритъ блаженный Феофилактъ: гдѣ свинская жизнь, тамъ живетъ не Христось, а живутъ демоны». Говорилъ нѣкогда и Апостоль Петръ: «выйди отъ меня, Господи, потому что я человекъ грѣшный» (Лк. 5, 8), но то былъ голосъ смиренной вѣры, благоговѣйный страхъ отъ сознанія своего недостойнства. Не такой страхъ овладѣлъ Гегесинцами. Они какъ бы такъ разсуждаютъ: страшень этотъ Чудотворецъ для насъ, подальше бы отъ Него: безъ Него спокойнѣе будетъ жить, какъ жили доселѣ, и грѣшить по прежнему. И Господь удалился отъ нихъ, оставилъ ихъ однихъ, согласно ихъ желанію. Такъ иногда Богъ въ гнѣвѣ Своёмъ внимаетъ врагамъ Своимъ и не внимаетъ любящимъ Его. Мы не можемъ строго судить Гегесинцевъ: они были язычники. Но не тоже ли бываетъ и съ нами грѣшными въ минуту Божія посѣщенія земными скорбями и бѣдствіями? Вотъ на примѣръ появилась ужасная смертоносная болѣзнь: смерть собираетъ вокругъ насъ свою жатву; сердце наше трепещетъ отъ страха; мы просимъ Господа, да мимо идетъ гнѣвъ Его праведный... Но крѣпко ли при этомъ наше желаніе, наше сердечное Богу обѣщаніе — раскаяться въ прежнихъ грѣхахъ и начать новую жизнь по заповѣдямъ Божиимъ? Не таится ли, напротивъ, въ самой глубинѣ сердца нашего тайное желаніе поскорѣе успокоиться отъ страха смертнаго, опять закрыть глаза и заснуть въ привычныхъ порядкахъ прежней грѣховной жизни?...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Батюшка о. Амвросій рассказывалъ: «Пришелъ къ батюшкѣ Макарію поваръ и говоритъ: рыбу некому чистить. Батюшка Макарій надѣлъ фартукъ и пошелъ самъ; братія увидали и подошли, а батюшка и говоритъ повару: вотъ ты говоришь, что некому чистить».